

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков
Посвящения и благодарности.

Посвящается тем, кто несмотря ни на что верит в прогресс и демократию.
Леонид выражает огромную благодарность своей семье – жене Нате и сыну Бориске, а также своим родителям – за поддержку и терпение в период работы над книгой и все то время, которое они позволили выделить для этого занятия в ущерб собственным интересам.

Фёдор благодарит своих родителей за любовь и поддержку и еще за то, что они активно пользуются Интернетом, – это дополнительный повод гордиться вами!
Авторы чрезвычайно благодарны директору Института философии и права УРО РАН доктору юридических наук Виктору Николаевичу Руденко за его книгу «Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты», во многом ставшую отправной точкой для их размышлений, а его заместителю, Константину Викторовичу Киселеву, – за вдумчивое прочтение рукописи и справедливые замечания, которые авторы в меру своих возможностей постарались учесть.
Авторы благодарят Алексея Навального за его воодушевляющую деятельность, а кроме того – за демонстрацию возможностей социальных сетей как средства борьбы за прозрачность и справедливость.

Авторы счастливы жить в городе Екатеринбурге. Нам очевидно, что это единственное место на карте России, где такая книга вообще могла быть написана, единственное место, где гражданское общество и свобода мысли не являются красивыми словами, а наполнены реальным содержанием и вдохновляющей активностью тысяч неравнодушных людей.

Авторы выражают глубокую признательность своей Alma Mater – Уральскому государственному университету, в котором они оба провели счастливые студенческие годы и который, к прискорбью, был фактически ликвидирован в результате очередной неуклюжей реформы образования.

Авторы выражают благодарность Полине Мудровой и Наталье Бычковой за помощь в работе над книгой и Марии Скобелевой за финальную шлифовку и корректуру текста.

Новые технологии изменили мир бизнеса и отношений между людьми и рвутся в затхлый мир политики.

Это особенно актуально для нынешней России: граждане нашей страны активно используют все технологические возможности современности, при этом оставаясь заложниками архаичной в самой своей сути политической системы.

Главное противоречие современного мира – противоречие между прогрессивными «облачными» структурами и старомодными вертикальными конструкциями, между гибкостью новых решений и неуклюжестью старых схем.

В бизнесе вопрос о выборе пути развития не стоит: современная экономика не прощает промедления и игнорирования новых технологий. Любая компания, где бы она ни находилась – в США, Китае, Бразилии или России, неизбежно будет использовать все самое новое и технологичное, если она хочет работать на мировом рынке. Современная экономика возможна только на современных скоростях, а значит, немыслима без современных технологий.

В политике, особенно российской, мы видим обратный процесс.

Вопреки мировой тенденции перераспределения властных полномочий на местный уровень и развития самоуправления нам навязывают всевластие далекого и зачастую некомпетентного «федерального центра». Вопреки всё возрастающим возможностям постоянного интерактивного общения власти с населением нам навязывают режим бесконечного монолога верховной власти и ее заместителей, желающих слушать только специально подготовленных подхалимов. Вопреки очевидным преимуществам постоянной конкурентной смены руководящих органов нам навязывают режим все более редких выборов и многолетней несменяемости правящей группировки.

Мы верим, что новые технологии восторжествуют в политике точно так же, как они восторжествовали в экономике.

Мы верим, что Россия рано или поздно пойдет именно этим путем, потому что другие варианты ведут в неизбежные тупики, из которых придется выходить по проторенным человечеством тропам.

Мы верим, что на наших глазах наступила новая эра в истории человечества – эра безграничных прямых коммуникаций, которые делают возможным

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
существование честной, прозрачной и справедливой политической системы.

Мы верим, что наши идеи окажутся востребованными и в течение жизни нашего поколения мы все будем жить совсем по-другому.

Эта книга – для тех, кто смотрит вперед с оптимизмом или хотя бы надеждой.

Предисловие. О целях книги

Представляя вашему вниманию этот текст, мы преследуем две цели.

Во-первых, мы хотим развенчать некоторые мифы о демократии, в том числе – миф о неизбежности представительной демократии как единственно возможного способа демократического устройства общественно-политической жизни.

Во-вторых, мы предлагаем смоделировать демократию будущего – «облачную демократию», как мы ее называем. Собственно, эту цель мы считаем для себя главной.

Представительная демократия была единственной альтернативой диктатурам всех видов в течение многих сотен лет, но это не значит, что она продолжает оставаться таковой и сейчас. Эта система являет собой очень и очень грубую аппроксимацию, возникшую из-за технологических ограничений реального мира, поскольку реальный мир не столь совершенен, как мир идей. Мы хотим обосновать, что сегодня возможна другая демократия, и мы можем к ней прийти, причем в короткие сроки – 5-10 лет.

Мы также предложим конкретные механизмы переходного периода, реальные и реализуемые в современной России. Суть этих механизмов – в создании альтернативной, параллельной легитимности среди широких групп политически активных граждан на основе современных технологий электронной демократии. Эффективно функционирующая система демократического принятия решений, вовлекающая в себя сотни, тысяч или миллионы людей, сможет очень быстро подчеркнуть и сделать неизбежным окончательное банкротство традиционных, устаревших методов принятия политически значимых решений.

Мы долго дискутировали между собой по поводу формы предлагаемого вашему вниманию текста и в итоге решили, что он не будет ни научным, ни даже претендующим на научность. Мы написали чисто публицистическую книгу. Мы решили не перегружать ни себя, ни вас ссылками, доказательствами и подборками цитат. Мы пользуемся общепринятой терминологией и пытаемся говорить на простом языке. Если какие-то из упоминаемых нами фактов вызвали желание узнать больше, то с этим легко помогут поисковые системы. У нас есть четкое видение того, каким может быть будущее новой электронной «облачной демократии», и мы хотим поделиться этим видением в наиболее простой и доходчивой форме. Наша цель – заразить вас нашими идеями, заставить спорить с нами, опровергать нас и думать о том же, о чем думаем мы.

Текст получился провокационным и местами даже скандальным, но мы искренне надеемся, что он вышел нескудным и все-таки интересным.

Часть 1. ДЕМОКРАТИЯ

Глава 1. Демократия и единовластие

Демократия – это роскошь. В качестве способа управления государством она стала доступна для людей только тогда, когда они достигли относительно высокого уровня жизни. Первым обществом, в котором демократия была институционализирована, стали древнегреческие полисы, в которых был достаточно высокий для того времени уровень достатка людей, в экономике формировалась значительная добавленная стоимость, которая позволяла содержать все демократические институты, сложившиеся в этих полисах.

Демократия требует от вовлеченных в нее слоев населения достаточно высокой образованности и широты кругозора. Людям надо все-таки подняться выше уровня своих обыденных интересов и осознать всю меру ответственности, ложащейся на них.

Общеизвестно высказывание: «Демократия – это процедура». Это правда, но не вся правда. Демократия – это еще и очень дорогая и сложная процедура. Мы не можем сегодня представить себе развитую демократию без работающих на постоянной основе органов исполнительной и судебной власти, без в значительной степени профессиональных представительных органов законодательной власти. Все эти люди не сеют хлеб и не тачают сапоги, однако же очень дорого обходятся налогоплательщикам, и без них невозможно отправление всех процедур демократического общества.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Заметим кстати, что особенно затратной становится демократия имитационная – когда расходы по-прежнему приходится нести в полном объеме и даже больше, ибо участники представления требуют все больших материальных компенсаций за свое комедиантство, а выхлоп от работы псевдодемократических институтов равен нулю.

[Анализ работы представительных органов местного самоуправления в России показывает, что они не делают ровным счетом ничего. В каждом муниципалитете – от городов-миллионников до муниципальных районов с населением в несколько тысяч человек – существует городская Дума численностью от 10 до 40 депутатов, которые объединены в те или иные комиссии и формально контролируют те или иные сферы городской жизни. Однако принимаемые депутатами местных Дум решения говорят о том, что более чем в 98% случаев субъектами нормотворческой инициативы выступают местные администрации, а депутаты принимают эти решения, не внося в них никаких изменений. В тех редчайших случаях, когда депутаты сами предлагают рассмотреть и принять те или иные нормативные акты, это, как правило, тоже является имитацией – просто в ряде случаев закон о местном самоуправлении явно требует, чтобы инициатива исходила от депутатов, вот кто-то из них и ставит свою подпись. Таким образом, муниципальная Дума оказывается просто придатком городской администрации, штампуя текущие решения исполнительной власти. При этом затраты на ее содержание в самых крупных и богатых городах-миллионерах составляют от 0.8% до 1.5% собственных доходов городского бюджета, а в муниципалитетах поменьше варьируются в пределах 5-10%, в некоторых случаях достигая и 20% от бюджетных доходов.]

Поэтому совершенно неудивительно, что небогатую и неумную часть человечества до сих пор так легко можно склонить к любым формам единовластия. Заложено ли это в каких-то очень глубоких слоях человеческого мозга, сложившихся еще на заре эволюции, но бежать за самым сильным и не задумываться, почему именно туда и именно за ним, – это самая простая и понятная форма политической активности.

Поэтому монархия (во избежание длительных дискуссий мы используем здесь этот термин в максимально широком значении, имея в виду «верховную власть одного») – это политическая предшественница демократии и ее постоянный оппонент на протяжении многих веков. К сожалению, мы видим и сегодня, что спор этот все еще не окончен.

В условиях монархического устройства государственной власти все просто и понятно. Есть некий человек, монарх, который все себе забирает и затем перераспределяет – и власть, и материальные ценности.

На ранних стадиях все это делает лично монарх, на более развитых вокруг него уже возникает целый аппарат. Но логика все равно остается той же: один человек всех назначает, прямо или косвенно, все сводится к его воле, и он за все отвечает перед людьми и Богом.

В итоге людям приходится содержать и монарха, и всех его родственников, все его окружение, и весь необходимый для отправления властных полномочий аппарат. При всем при этом люди не имеют никакого влияния на формирование органов власти, которым должны подчиняться и которые должны финансировать.

Но, как было отмечено выше, подчинение неизбранной и неконтролируемой власти опирается на какие-то глубинные и иррациональные структуры человеческой психики, потому даже в наше время полным-полно обществ, руководимых самоназначенными диктатурами и диктаторами.

Поразительным образом один и тот же человек способен много и подробно разглагольствовать о дорогостоящих выборах, в результате которых к власти в очередной раз придут заведомые негодяи, и при этом в упор не видеть, что недемократическая власть обходится ему ничуть не дешевле, исправно поставляя на все уровни возмутительное количество все тех же негодяев.

Открытые и гласные демократические процедуры потому и кажутся слишком дорогостоящими, что они публичны. Люди видят выборы, читают финансовые отчеты, приходят в ужас от стоимости всего этого аппарата и по привычке начинают роптать: может, ну их, эти выборы?

Но это ловушка. При любом единовластии только расходы на содержание аппарата, прежде всего репрессивного и контролирующего, способны поразить

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
воображение. Однако все это непублично, и потому создается видимость, что все работает как бы самостоятельно.

Но не будем идеализировать и представительную демократию. Вполне возможно, что на каком-то уровне князь способен создать гораздо более эффективную, дешевую и справедливую власть, чем выборная представительная демократия. Потому что для эффективной работы демократического механизма необходимо слишком много: ответственные избиратели, компетентные избранники, тщательные процедуры. Собственно, зачем люди это делают, зачем нужна такая весьма нетривиальная конструкция?

Есть известное выражение Вольтера: «Монархия была бы наилучшей формой правления, если бы не случайность рождения». Монарх – это человек, который получил власть по наследству и точно знает, что передаст власть своему сыну или дочери. Следовательно, ему не нужно воровать бюджетные средства – у кого воровать? У себя самого? И для чего? У него уже есть дворец, построенный еще прадедушкой. То есть ему надо власть воспринять, сохранить и передать наследнику – в соответствии с существующими законами и традициями.

Заметим кстати, что именно в законности власти главное различие между монархией и диктатурой (или, как говорили раньше, тиранией). Диктатор или автократ может опираться только на себя, свое окружение или какую-то группировку в обществе, но он прекрасно понимает, что в любое время на его месте может оказаться любой человек. В этом была трагедия Римской Империи: император был всемогущим, но никакого общепринятого порядка передачи власти не было, и в итоге она все равно доставалась сильнейшему. Потому что любой, кто становился императором, автоматически делался выше закона и мог его менять под себя. Следовательно, закон не мог являться для него гарантией его власти: можно напринимать любые законы, но будет ли их исполнять следующий император – это был большой вопрос.

При этом у диктатора существует важная проблема – сохранение власти. Диктаторские режимы тратят колоссальные ресурсы на поддержание репрессивной структуры, что в итоге убивает весь миф о большой эффективности единовластия: это в случае легитимной монархии единовластие неоспоримо в рамках закона, а в ситуации диктатуры гарантией ее сохранности может быть только она сама. Кроме того, будучи вертикальной структурой, диктатура имеет свойство разваливаться сверху донизу очень быстро, что мы увидели на примере Советского Союза в 1991 году: вытащили из-под него стержень в виде КПСС, и все развалилось.

Так вот, представительная демократия в этом смысле оказывается дешевле и эффективнее, потому что не требует такого огромного аппарата для поддержания самой себя, как диктатура, и содержит механизмы, предохраняющие от «случайностей рождения», столь губительных для монархий. Именно за это люди и платят, соглашаясь на представительную демократию. Еще одно важное преимущество эффективной, работающей (неимитационной) демократии заключается в том, что она способна сама себя поддерживать и самостоятельно восстанавливаться.

Что произойдет, например, если что-то случится с президентом США, вице-президентом, Сенатом, Конгрессом и всем высшим государственным аппаратом? Конечно, это будет страшнейший кризис в истории всей американской государственности, но при этом он не повлияет на простых людей, живущих во всех уголках США, таким разрушительным образом, как повлиял распад СССР на миллионы его граждан. Более того, в полном соответствии с конституцией во вполне определенные сроки произойдет полная регенерация этой власти. Почему? Потому что все мэры муниципалитетов остались на местах, власти всех штатов остались на местах, и они не связаны напрямую с ушедшей властью. В американской конституции есть поправка, кому переходит власть в случае исчезновения президента, вице-президента и т.д. Но главное – исчезновение президента США не лишит автоматически полномочий какого-то условного шерифа в Техасе или судью в Калифорнии. Шериф сам по себе, судья сам по себе: они были наделены своей властью не президентом, отсутствие президента их не делегитимизирует.

Однако если нечто подобное произойдет в Российской Федерации, то это будет катастрофа, которая поставит под вопрос само существование государства в его нынешнем виде. Почему? Потому что в условиях диктатуры и единовластия все уровни власти легитимизируются сверху, включая самого последнего

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
участкового или чиновника в районной администрации. Этим объясняется стремительный крах монархии в 1917 году и крах СССР в 1991 году: вертикаль власти была настолько не укоренена на местах, что переворот в столице не вызывал никаких попыток вернуть ситуацию к status quo: чиновничество и репрессивный аппарат, оставшись без приказов сверху, смиренно ждали, пока какая-то любая новая верховная власть скажет им, как жить дальше.

Мы отдаем себе отчет, что в конституции у нас тоже прописаны все демократические формы, но вынуждены констатировать, что они носят чисто ритуальный характер. Если что-то случится с лидером, под которого фактически сверстана вся система власти, то придется срочно менять всю ее структуру – под нового лидера, или коллективное руководство, или что там еще может возникнуть.

За примерами далеко ходить не надо. Разберем кратко изменения идеологии и власти в России с конца 90-х по наше время (притом что конституционный строй в течение всего этого времени остается неизменным).

Ельцин. В силу ряда причин, объективных и субъективных, Борис Николаевич предпочитал быть гарантом конституции и верховным арбитром, отдав значительные полномочия избранным губернаторам, правительству и создав во власти пресловутую «систему сдержек и противовесов», которой тогда очень гордились. Главным слабым звеном было игнорирование парламента: все эти ельцинские сдержки и противовесы были созданы искусственно внутри чиновничьего аппарата и исполнительной власти, и, как показывает дальнейшее развитие событий, система оказалась неэффективной.

Путин. Второй президент России посчитал себя достаточно сильным политиком, чтоб править единолично. Вся ельцинская система сдержек и противовесов была тихо демонтирована, парламент сведен на еще более ничтожный уровень, перестав быть даже «местом для дискуссий». Вторым президентский срок Путина запомнился новой для России институцией «технических премьеров»: всячески подчеркивалось, что премьер-министр – это исполнитель поручений президента, не более того.

Медведев. Отказавшись идти на третий срок, Путин сделал президентом своего ставленника Медведева и снова изменил всю конфигурацию власти. Став премьер-министром, он фактически сделал этот пост первым в стране, что особенно странно смотрелось на фоне описанной выше ситуации с техническими премьерами во время его президентства.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрирует имитационный характер демократии в современной России: налогоплательщики платят за нее полную цену, а получают – фигу с маслом. У российского избирателя нет никаких гарантий, что, даже избирая президента, они избирают верховную власть, потому что избранный всенародно президент в итоге, вопреки действующей конституции, оказывается технической фигурой при премьер-министре, которого де-факто никто никуда не избирал.

Итак, реальная представительная демократия – это дорогая процедура, но за свои деньги налогоплательщики получают функционирующую систему управления обществом, способную к стабильному самовоспроизведению, имеющую механизмы предохранения от случайных сбоев, позволяющую сохранять гражданские права и свободы. Еще одно часто цитируемое высказывание: «Демократия – худший способ управления государством, за исключением всех остальных» (Черчилль).

Ниже мы постараемся показать, что первая часть этого высказывания, конечно, сохранила свою актуальность, а вот вторая успела устареть буквально у нас на глазах.

Глава 2. Демократия: прямая и представительная

Говоря о демократии, мы обычно имеем в виду представительную демократию. Эти понятия – «демократия» и «представительная демократия» – в сознании современного человека практически срослись. Распространено убеждение, что демократия – это в первую очередь выборы, формирующие представительные органы власти. Есть выборы – есть демократия, нет выборов – нет демократии.

Именно поэтому в предыдущей главе, говоря о том, что демократия дорого стоит, мы сделали намеренную ошибку, которую далее, по ходу изложения,

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
будем исправлять. На самом деле сегодня дорогого стоит именно
представительная демократия. Но в силу объективных причин да и просто
долголетней привычки другой сейчас просто не существует.

Традиционно считается, что другая демократия, демократия «прямая», не может
быть эффективна. Вернее, до самого последнего времени не могла быть
эффективной на таких пространствах и для таких человеческих масс, которые
мы рассматриваем. При упоминании «прямой» народной демократии наш
среднестатистический современный человек (тот самый, для которого слова
«демократия» и «выборы» практически тождественны), наверное, вспомнит
новгородское вече и, возможно, современные швейцарские кантоны Гларус и
Аппенцель-Иннерроден (а это единственные в современном мире территории, где
власть до сих пор осуществляется народным собранием) – и скажет: «Всё это
могло работать в одном городе, при населении в несколько тысяч человек; но
это не может работать в многомиллионных государствах, занимающих огромные
территории. Прямая демократия – неэффективна».

Здесь также стоит отметить, что прямая демократия – это тавтология,
поскольку сама по себе демократия – это и есть власть народа. Но мы
постоянно акцентируем внимание на словах прямая демократия, поскольку очень
привыкли к демократии не прямой, представительной.

Парадокс заключается в том, что прямая демократия в форме народного схода
действительно неэффективна и представительная демократия действительно
возникла как попытка преодолеть неэффективность прямой демократии. Но
современные технологические средства позволяют устранить эту
неэффективность гораздо проще и дешевле, чем воссоздавая все институты
представительной демократии!

В течение многих десятилетий развивались и совершенствовались пишущие
машинки – сложные технические устройства, призванные ускорить написание
текстов в красивой, хорошо читаемой, стандартной форме. В силу объективных
технологических ограничений пишущие машинки заведомо не имели шансов
приблизиться к типографским системам подготовки текстов, но многочисленные
мелкие усовершенствования постоянно улучшали (и усложняли) работу этих
устройств: разноцветные ленты, сменные шрифты, сложные системы управления
интервалами... Все это рухнуло буквально в одночасье с появлением
персональных компьютеров. Ведь пишущие машинки не были ценны сами по себе,
они возникли как попытка преодолеть несовершенство технологий подготовки
текстов. Компьютеры решили эту проблему другим путем – и сколь угодно
совершенные машинки оказались просто ненужными.

Итак, что такое прямая демократия? При прямой демократии субъектом власти
является весь народ, все решения принимаются при участии общины, и никаких
других органов власти нет. Это можно рассмотреть на примере какого-то
одного поселения. Предположим, есть некая деревня или поселок, где каждое
воскресенье люди собираются всей деревней на сход и решают, что делать:
строить ли церковь, или дорогу, или плотину. Или, например, как установить
очередность пользования общим выпасом. Или, например, что делать с
хозяйном, который не рассчитался в срок с сезонным рабочим (а хозяин, в
свою очередь, утверждает, что рабочий не выполнил оговоренного объема
работ). Такому сельскому сходу не нужны ни исполнительная, ни
законодательная, ни судебная ветви власти – он оказывается вполне в
состоянии выполнить все их функции непосредственно.

Однако сейчас такое невозможно, поскольку современные формы осуществления
власти предполагают погружение в сложную процедуру. И если при прямой
греческой демократии еще можно было всем вместе принять необходимые
решения, то сейчас только на уровне местного самоуправления, в типичном
российском муниципалитете, принимается порядка 5-10 тысяч решений в год.
Таким образом, при осуществлении прямой демократии каждое воскресенье нашим
сельчанам пришлось бы решать порядка 100-200 вопросов. При этом они должны
были бы не только быть готовыми принимать эти решения, но и осознавать их
суть, четко понимать, за что голосуют. Ясно, что ни о какой дискуссии по
этому перечню вопросов, да еще такой, в которой каждый успеваает
высказаться, тоже речи быть не может.

Итак, если мы отбросим пока конкретику и возьмем некую абстрактную модель,
то прямая демократия хорошо работала в отдельно взятой маленькой общине.
Затем община расширилась, и принимать решения стало несколько сложнее.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Каким образом прямая демократия перешла в демократию представительную? В какой-то момент люди обнаружили, что их стало много. Эта проблема встала еще перед древними греками: часть людей живет в колониях, которые находятся далеко, часть – в поместьях за городом, часть уехала по делам, еще кто-то – воевать и т.д. Так возникла идея, что должны быть некие постоянно действующие органы парламентского типа. Поначалу они существовали параллельно с инструментами прямой демократии, с народными собраниями. Однако одновременно (а может быть, и еще раньше) очень остро встал другой вопрос: а кто будет разрабатывать и предлагать проекты решений для народного собрания? Ведь само народное собрание в силу своей многочисленности – это не место для дискуссий, а инструмент принятия решений. Дискуссия с участием сотен ораторов неизбежно приводит систему к коллапсу, поэтому довольно быстро стало понятно, что на рассмотрение народных собраний могут выноситься только вопросы, требующие однозначного ответа – «да» или «нет».

Итак, даже когда необходимо быстро решить вопрос, строить или не строить, воевать или нет, все равно в решении вопроса участвует группа лиц, старейшин, которые готовят вопрос и предлагают варианты решений. Это и есть зачатки представительной демократии.

При этом стоит добавить, что прямой демократии в чистом виде никогда и не было. Если углубиться в историю, то и в греческих полисах существовало множество институтов кроме народного собрания. Это были органы, представители которых избирались жителями на общем голосовании. Иными словами, такого, чтобы люди собрались вместе и решили все вопросы, не было изначально. Опять же спрашивается – почему? Потому что уже в то время технически, даже в условиях маленького городка, обеспечить постоянное присутствие всех правомочных людей во время принятия всех необходимых решений было невозможно. Даже созвать людей было достаточно сложно – это проблема технологий. На всех этапах развития человечества проблема технологий стояла очень остро: и в Древней Греции, и даже в совсем недавнее время.

Здесь уместно вспомнить средневековую Италию: пока жители дискутируют на площадях, под стенами города стоит армия, нанятая германским императором, и воины не спорят, а выполняют приказы. И в этом случае, конечно, прямая демократия проигрывает. Принимать решения некогда. И прямая демократия на какое-то время уходит из истории.

В Средние века демократические формы правления если и существовали, то в очень усеченном виде: в итальянских городах-государствах и в каком-то смысле в вольных городах Германии. Даже во внешне демократических республиках, таких как Венеция, очень рано, еще в XIII веке, при сохранении видимости электорального равенства в выборах участвовал очень узкий круг людей – представители нескольких сот родов. Все остальные жители страны служить могли, а избирать не могли.

Давайте зафиксируем: генезис форм представительной демократии во многом обусловлен постоянной необходимостью преодолевать одни и те же технологические ограничения реального мира.

Реальный мир обладает пространственной протяженностью, и преодоление расстояний требует значительных временных затрат – собрать всех правомочных участников народного собрания в одном месте оказывается проблематичным. Еще хуже, что в реальном мире не существует никакой «ноосферы», пространства идей, открытого и общедоступного; напротив, обмен информацией требует огромных временных затрат, сопряжен с потерей и искажениями информации, различиями в интерпретации. Идеальная картина могла бы выглядеть так: все граждане могут находиться в одно и то же время в одном и том же месте и владеть всей полнотой информации по каждому вопросу (история вопроса, суть проблемы, предлагаемые варианты решения, их последствия, плюсы и минусы). Если еще и предположить, что прения также происходят мгновенно (допустим, телепатически), то прямая демократия, конечно, окажется отлично подходящей моделью для этого идеального общества. Собрались вместе – да хоть каждый день, раз это не связано ни с какими потерями времени! – рассмотрели все вопросы – а на это вообще уходят секунды! – и вернулись к своим повседневным делам. Но, как уже было сказано, в реальном мире не существует прозрачного обмена всей информацией, и его не населяют сверхскоростные телепаты. Поэтому-то жители реального мира и начинают задумываться об институте представительства: пусть на собрания ходят не все граждане, а

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
только некоторые, и в подготовке вопросов принимают участие не все граждане, а только некоторые. Так возникает парламент и, например, судебная система.

Кстати, институт представительства необходим и для преодоления ограничений пространства, и для преодоления ограничений информации, и вовсе не обязательно эти две проблемы решают одни и те же представители. Хорошим примером может служить суд присяжных. В нем, во-первых, есть специально обученные люди, которые занимаются подготовкой вопроса – то есть преодолением ограничений реального мира, связанных с отсутствием общедоступной информации. Это – стороны процесса: судья, адвокаты, прокуроры, эксперты и их помощники. Эти люди представляют граждан напрямую или опосредованно (в России судей назначает президент, но, как мы знаем, в США и судьи, и прокуроры выбираются непосредственно населением). И, во-вторых, есть другой тип представителей граждан – присяжные, на рассмотрение которых выносятся вся ставшая известной информация о деле. Присяжные олицетворяют собой всех тех сограждан, которым лень или некогда получать информацию и принимать на ее основании решение. На сельском сходе дело было бы вынесено на рассмотрение всех односельчан, но институт суда присяжных предусматривает случайный отбор 12 человек как представителей народа {1}.

Итак, в мире, в котором мы живем, объективно существует целый ряд ограничений, делающих его крайне непохожим на тот идеальный мир, для которого прямая демократия была бы безусловно лучшим способом общественного устройства. Эти объективно присутствующие технологические ограничения не менялись столетиями, при этом происходил постоянный прирост населения и освоение жизненного пространства, что только их усугубляло. С точки зрения ограничений пространства рост скорости перемещений не поспевал за увеличением ареалов расселения, и даже современные самолеты и поезда не позволяли собрать в одном месте население небольшой страны быстрее, чем за несколько часов или дней. С точки зрения ограничений информации всё ещё хуже: рост количества информации носит экспоненциальный характер, скорость ее передачи возрастает не так быстро, а скорость обработки в голове человека не растет вовсе. Условно говоря, с тех пор как люди изобрели письменность, больше ничего прорывного не произошло, менялись только способ и скорость пересылки сообщений, пока не изобрели телеграф и телефон, что произошло совсем недавно по меркам истории. Как уже сказано, телепортация и телепатия были бы прорывами, но на этих направлениях прорыва нет и, честно сказать, не предвидится, несмотря на все успехи современной науки и техники.

Таким образом, проблема технологического несовершенства встала перед обществом очень рано и очень быстро привела к гибели прямой демократии. На всем историческом промежутке, от древних Афин до современного кантона Гларус, не известно ни одной действующей модели прямой демократии, которая охватывала бы более 30–40 тысяч граждан, имеющих право голоса, и территорию более нескольких десятков квадратных километров. Прямая демократия исчезла, не выдержав конкуренции с той же самой тиранической монархией.

Все это произошло естественным путем, и со временем все забыли, что прямая демократия вовсе не была такой уж плохой сама по себе, просто реализация этой модели в ее чистом виде в течение долгих веков была технологически невозможной. И, конечно же, никто не сидел и не проверял через некоторые промежутки времени: а что, может ситуация изменилась? Может, что-то такое произошло в нашем мире, что можно снова вернуться к разговору о прямой демократии – прежде всего как к идее всеобщего и прямого представительства. Потому что самое главное, что, на наш взгляд, заложено в идее прямой демократии и утрачено в представительной, – это не только право, но и возможность для каждого гражданина непосредственно участвовать в обсуждении и принятии всех решений. Любой человек, несомненно, имеет право и отказаться от участия во всем этом и делегировать свои полномочия кому-либо, и никто не может ему этого запретить. Но остается непонятным, почему же человек обязан кому-то что-то делегировать, если он и сам не против осуществлять свои права – напрямую и непосредственно. Тем более что на каком-то технологическом уровне все это становится легко осуществимым – но об этом мы поговорим чуть позже.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
В современном мире демократия начинается с местного самоуправления, и там она наиболее логична и понятна: это уровень подъезда, ТСЖ, микрорайона, сельского схода в небольшом поселении. Каким бы авторитарным ни было государство, все равно существует уровень, который государство и не думает контролировать; более того, государство понимает – этот уровень не проконтролируешь; более того, государство понимает – предоставленные сами себе, вынужденные решать свои вопросы местечкового значения сами, граждане справятся с любой мелкой задачей лучше, чем клерки из далекой Москвы.

Но что происходит при переходе на уровень выше? Демократия постепенно или мгновенно (в зависимости от государственного устройства) умирает. Демократия как реальное народовластие кончается там, где возникает государство, потому что государство – это не одно поселение с его сельским сходом, а множество поселений, очень сложная структура.

Государство – это не что-то конкретное, это некая абстракция. Термин, который можно наполнить любым содержанием. То же самое можно сказать и о слове «власть». Мы отнюдь не проповедуем анархию и полный отказ от государственности, мы лишь хотим подчеркнуть, что государство может и должно строиться на совершенно иных принципах, чем современная нам Российская Федерация, и власть в нем должна осуществляться народом и в интересах народа, а не чиновниками в интересах ими же придуманной концепции государства.

Когда мы говорим о местном самоуправлении, нам все понятно: здесь рыть траншею или здесь, строить ли церковь или оставить фонтан. Тут не нужны никакие представители: людям хватает здравого смысла, общечеловеческого понимания реальности, чтобы принимать правильные решения. Но вот степень абстракции вырастает до уровня государства. Мы избираем представителя, и наш депутат, делегат от нашего города, приезжает в Москву, где его спрашивают: будем ли мы дружить с Эквадором или нет? А он не знает. К нему приходит государство, которое превращается в конкретных людей, живущих за налоги. И они говорят, что нужно дружить с Эквадором, воевать с Парагваем, потому что у нас такая политика. Те люди, которые сидят «сверху», в государственном аппарате, меньше всего заинтересованы в демократии. Они заинтересованы в том, чтобы дурачки из деревень как можно реже приезжали, не забывая, конечно, поставлять солдатиков в армию и вовремя платить налоги.

Если посмотрим на историю Великобритании, то увидим, что все, что осталось от классического государства Великобритании, – это королева Елизавета, которая юридически является суверенницей всей земли, юридически является гарантом существования государства, хотя фактически, в смысле практического употребления власти и обладания полномочиями, ничего из себя не представляет. Все остальное – это местное самоуправление, разросшееся до масштабов целой страны, когда люди сами себе кого-то выбирают, сами все решают, не спрашивая королеву Елизавету ни о чем, даже о ее собственном состоянии. Это одна модель – когда местное самоуправление вытеснило государство, загнало его в угол.

В России, к сожалению, мы застряли в другой модели, где государство задавило всю демократию, все местное самоуправление. Почему? Если у нас даже на местном уровне решения принимаются с учетом государственного интереса, какого-то федерального тренда, то это значит, что абстракция государства является доминирующей. А конкретика местного самоуправления фактически стремится к нулю. Власть нам говорит: да, вам здесь дорога не нужна, но государству она здесь нужна, поэтому вы, дорогие депутаты, должны будете закрыть глаза и уши, не знаем, что вы скажете своим избирателям, предположим, вы все проиграете следующие выборы, но дорога здесь все равно будет. И люди отвечают: ну, надо так надо.

Вот это и есть два разных подхода. Первый: мы строим демократию сначала у себя в голове, потом в своем подъезде, в своем дворе, в своем районе, в своем городе, а потом во всей стране. Второй: мы начинаем с абстракции, что есть некое Абсолютное Добро и что государство – это воплощение этого идеального в реальности, а раз государство имеет отношение к чему-то абсолютному, то оно само по себе дело хорошее, и поэтому не надо себя спрашивать, что страна сделала для тебя, а надо спрашивать, что ты сделал для нее. Ну и, разумеется, государству (а если заглянуть за это красивое слово, ты мы обнаружим там вполне реальных людей) все и всегда виднее.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Государство назначит нам губернатора, губернатор назначит нам мэра, мэр назначит нам хороших руководителей районных администраций, которые придут и скажут: «Вот этого не надо выбирать, а вот этого надо, потому что вот он будет мне мешать своими идеями, а этот парень будет нам помогать. Помогая мне, вы поможете губернатору, помогая губернатору, поможете президенту – и наше государство будет великим».

В том то все и дело, что это две абсолютно несовместимые друг с другом логики, и если мы начинаем рассматривать их вместе, то мы себя обманываем – они не могут сосуществовать, к сожалению. Вся проблема власти в России в том, что она пытается сделать вид, как будто это возможно. На практике же получается, что просто вся система, связанная с функционированием демократических институтов, оказывается имитационной, бутафорской, а реально функционирует только вторая политическая система – авторитарно-вертикальная. Поэтому сейчас нам видится только два пути: или мы наполним реальным содержанием первую систему (благо формально она все еще не демонтирована) и будем ее развивать и трансформировать в более современные формы народовластия, либо мы завершим путь к полностью авторитарному государству, которое рано или поздно начнет пожирать своих граждан, а потом и само себя.

Таким образом, при выявлении причин, по которым демократия в России не состоялась, кроме чисто технологических проблем должна обязательно учитываться еще именно эта причина: демократия не нужна государственному аппарату. Ведь если мы опять вернемся к идиллии прямой демократии, все становится ненужным: не нужны депутаты, помощники, секретарши, спикеры думы, председатели комитетов, министры, президенты. При прямой демократии все эти люди исчезают. Как же так? Они не хотят исчезать, они хотят быть. Соответственно, им выгодно создать не просто представительную демократию, а как можно более многоуровневую. Причем чем больше уровней, тем больше степень безопасности того, кто находится на верхушке этой системы, от народа. У рядового избирателя практически нет возможности докричаться до президента или губернатора. Рядовой избиратель должен пройти через серию выборов, правильно выбрать депутата городской думы, чтобы он правильно выбрал сити-менеджера, который придет в областное правительство и будет правильно что-то говорить губернатору. Это единственный шанс достучаться до губернатора. А уж до президента не дойти тем более. Гражданин может лишь проголосовать на выборах за партию, и она назначит нужного депутата, который приедет в Госдуму, выйдет на трибуну и с трибуны скажет: «Владимир Владимирович, вы не правы». Это все, что предлагает представительная демократия для общения с властью.

Притом опыт учит нас, что даже выбранные под самыми критическими лозунгами политики в итоге не пытаются спорить с властью, а все потому, что, получив от избирателей свой мандат, они становятся самостоятельны и самодостаточны до следующих выборов. Ярче всего это видно на примере всем известного В. В. Жириновского: во время всех избирательных кампаний он неистов и критичен, а получив очередной мандат, тихо оседает в думской кабине и лишь иногда устраивает показательные выступления. С другой стороны, зачем ему постоянно ссориться с исполнительной властью, которая способна помочь ему в решении массы личных вопросов, если можно, по согласованию с ней же, критиковать ее строго перед выборами? Надо признаться, что Владимир Вольфович понял самое главное в нынешней системе и активно пользуется этим пониманием в своих интересах.

Глава 4. Условность нормы

То, что мы сейчас воспринимаем представительную демократию как некую норму и считаем ее единственно правильной и возможной, вовсе не есть какая-то объективная данность, более того, это довольно новая традиция. Выше мы сказали о том, что выбор гражданами представителей для участия в управлении государством стал вынужденным ответом на два основных вызова – ограничения пространства и ограничения информации. Сам по себе этот выбор обусловил необходимость выработки на протяжении столетий множества «служебных» принципов, которые обслуживали институты представительной демократии. Эти принципы сложились не в силу своей абсолютной значимости *per se*, а только потому, что их наличие потребовало развитие представительной демократии, которая в свою очередь представляет собой общественный компромисс между идеалами прямой демократии и тем, что возможно в условиях реального мира.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Хорошим примером такой «вспомогательной» нормы, которая сейчас воспринимается нами как данность, но на самом деле стала таковой совсем недавно, является принцип всеобщего избирательного права.

Всеобщее избирательное право – это в полной мере новация XX века. В XIX веке о такой странной идее никто и не задумывался. Первой европейской страной, где появилось избирательное право у женщин, стало Великое княжество Финляндское в XX веке.

В России женщины получили право голоса после революции 1917 года, причем Россия была в этом плане в самых первых рядах. Если взять Швейцарию, к опыту которой мы уже обращались и еще будем обращаться неоднократно, то там избирательное право у женщин появилось в 70-х годах XX столетия, то есть менее 40 лет тому назад.

И дело не только в гендерном неравенстве. До прошлого века активно применялся не только половой ценз, но и многие другие виды избирательного ценза – имущественный, сословный. Ничем неограниченное всеобщее избирательное право – это абсолютно свежая идея, хотя сейчас она нам кажется очень естественной и простой^{2}. При этом пару веков назад естественными и простыми казались совсем другие вещи.

Например, вопрос имущественного ценза до самого недавнего времени стоял очень остро. Кто имеет право голосовать, а кто не имеет такого права? Почему домовладелец и бомж обладают равным правом участвовать в решении таких, например, вопросов, как налог на недвижимость? При всеобщем избирательном праве все люди фактически наделяются прямой властью.

В XIX веке Екатеринбургская городская Дума избиралась по трем сословиям, по 20 депутатов от каждой из трех курий. Эта система несколько раз менялась, но в конечном итоге свелась к следующему. Брался весь объем налоговых платежей за последний год, брался весь список налогоплательщиков, упорядочивался по убыванию суммы уплаченных налогов. Те люди, которые обеспечивали первую треть налоговых поступлений, избирали первых 20 депутатов (самых этих людей могло быть меньше 20, то есть они избирали депутатов не обязательно из своего числа; просто те люди, которые больше всего вносили в городской бюджет, говорили: мы хотим, чтобы наши интересы в Думе представляли такие-то депутаты); те люди, которые обеспечивали вторую треть, избирали вторую двадцатку депутатов, и те, кто обеспечивал третью треть, давали третью двадцатку.

Эта система бесконечно далека от всеобщего равного избирательного права, но тогда, сто с небольшим лет назад, она всех устраивала, казалась справедливой, никого не удивляла. Если подумать – что в ней такого неправильного? Каждый имеет право голоса, но степень влияния на городские дела приведена в некоторое соответствие с тем, какой вклад тот или иной гражданин вносит в общегородскую «кубышку», которую предстоит распределять депутатам.

На протяжении многих веков апробировались и другие системы и сочетания цензов, в каждом из которых была какая-то своя справедливость и какой-то свой смысл. Всеобщее избирательное право – всего лишь одна из возможных систем, «особо модных» на современном нам историческом промежутке, не более того^{3}.

Кстати, даже современное всеобщее избирательное право все равно не является всеобщим: в этом праве поражены лица, признанные недееспособными по решению суда, в ряде случаев – отбывающие приговор заключенные. Установлен возрастной ценз, который в России составляет 18 лет (но во многих странах он другой). Самоочевидные вещи? Да, конечно: как можно доверить голосовать психопатам, серийным убийцам или грудным младенцам. Но давайте зафиксируем, что цензы все-таки существуют, и устанавливаются они не на основании незыблемых законов природы, а довольно-таки волюнтаристски. Почему 18 лет, а не 21 или 17.5? Или, например, почему не быть плавающей планке, привязанной не к возрасту, а к сдаче определенного «экзамена на обретение гражданских прав»? Или вот лишение избирательных прав заключенных: есть разные подходы. Всех лишать? Всех не лишать? А после отбытия срока наказания^{4}? Как-то классифицировать уголовные статьи? В ряде стран избирательных прав лишаются, например, солдаты срочной службы (как лица заведомо «подневольные»), в ряде стран – чиновники. Мы не обсуждаем здесь преимущества или недостатки той или иной системы, мы говорим только о том,

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
что «всеобщее равное избирательное право» – это тоже в известной степени фикция, условность. Попытка приближения к идеалу.

Кстати, к какому идеалу?

Еще одно популярное высказывание о демократии гласит: «Когда нам надо получить диагноз – мы собираем консилиум врачей; когда ищем представительства в суде – обращаемся к профессиональным юристам; и только когда надо управлять государством и принимать законы, мы обращаемся к мнению домохозяек, алкоголиков, непойманных воров и невыявленных сумасшедших». Это высказывание высмеивает всеобщее избирательное право – но ведь надо признать, что небезосновательно. Современное толкование этой нормы произрастает из гуманистических либеральных идеалов, в которых берут свое начало также принцип презумпции невиновности и принцип «все, что не запрещено, – разрешено».

Идеал с точки зрения идеи всеобщего избирательного права заключается в том, чтобы наделить активным избирательным правом всех тех, кто в состоянии им воспользоваться. Малолетние дети и лица, признанные недееспособными по решению суда, очевидно, не в состоянии пользоваться избирательным правом – их исключаем. Все остальные... хм, тут срабатывает презумпция: раз в явном виде не установлено, что человек не способен быть избирателем, значит, лучшее, что мы можем делать, – это предполагать, что он – способен.

Является ли такая реализация принципа всеобщего избирательного права реализацией идеала? Нет. Каждый из нас знает нескольких людей, которые охотно и регулярно пользуются активным избирательным правом, будучи абсолютно не в состоянии адекватно им распорядиться, то есть не осознавая ни сути принимаемых ими электоральных решений, ни их последствий. Однако мы также понимаем, что не существует никакого разумного способа это право у них отобрать. Таким образом, нынешняя ситуация со всеобщим избирательным правом представляет собой не идеальную ситуацию, но только лишь наилучшую из возможных аппроксимацию идеальной ситуации в нашем мире.

То, что мы подробно рассмотрели на примере института всеобщего избирательного права, можно было бы также детально развернуть и в отношении любой другой устоявшейся нормы, связанной с функционированием современной представительной демократии: количество ветвей власти, их взаимодействие, работа представительных органов на профессиональной или неосвобожденной основе, взаимоотношения центральной власти и местного самоуправления, сессионный или постоянный принцип функционирования представительных органов, мажоритарная, пропорциональная или смешанная система выборов. Каждый из этих институтов за последние несколько столетий претерпел множество изменений, был апробирован в различных вариантах, и, наконец, отдавая дань моде, подчиняясь политическому моменту или следуя научно обоснованной оптимальности, находится сейчас в том состоянии, которое воспринимается нами как правильное и привычное. Однако в каждом случае это всего лишь компромисс, связанный с приближением к идеалу (оптимальному функционированию государства) в непростых условиях реального мира.

Глава 5. Снова к истории

Позволим себе еще несколько слов сказать об эволюции современных нам демократических институтов. На эту историю стоит посмотреть тем же критическим взглядом, которым мы уже обзревали историю пишущих машинок: уже и ленты разноцветные, и сразу два шрифта в одной машинке, и весит она не 30 килограммов, а всего лишь 3 килограмма – но все равно до типографского качества текста далеко как до Луны, а опечатки приходится замазывать вручную.

За последние несколько столетий возникло множество конкретных маленьких усовершенствований, призванных обеспечить, чтобы представители народа действительно отражали волю народа, чтобы они действовали добросовестно, выполняли свои обещания – и все равно, несмотря на все эти (подчас весьма изощренные) изобретения, в мире раз за разом возникали кровавые диктатуры, а слово «политик» все чаще становилось синонимом слова «жулик и вор».

Первые серьезные изменения античная идея демократии начала претерпевать в эпоху Просвещения. В Средние века демократия как таковая вымерла, и если и существовала, то в довольно извращенном виде, как в уже упомянутой выше Венеции. И в какой-то момент опять встал вопрос, как жить дальше.

Идея представительной демократии появилась после изучения (причем не критичного, что тоже важно помнить!) античных источников, но уже в то время Жан-Жак Руссо активно выступал за прямую демократию. Параллельно шло создание США. США – это ведь изначально сообщество неких самоуправляемых общин: люди уезжали за океан, создавали общину, жили своим хозяйством и самоуправлялись. Таким образом, возникла целая сеть самоуправляемых общин, и люди принялись размышлять, как им жить дальше. Тут и вошла в широкий оборот идея, что демократия – это хорошо и что единственный субъект власти – это народ. Это была чрезвычайно свежая по тем временам мысль, поскольку много веков до того она никому в голову не приходила.

Ранее вопрос о природе власти решался иррационально: просто считалось, что легитимная власть может принадлежать только монархам, которые получили ее непосредственно от Бога. Следовательно, законна только та власть, которая исходит из короля – пусть даже сам он фактической властью уже и не обладает. Но – он ее кому-то передал, органу ли или конкретному лицу, тем самым освятив носителей власти причастностью к безусловной божественной легитимности.

В принципе вся современная демократия до сих пор живет идеями и категориями XVIII века и Великой французской революции, которая стала практически выражением всех брожений своего времени. В каком-то смысле мы все так и не выросли из коротких штанишек Великой французской революции.

Что же произошло тогда? Люди вплотную подошли к мысли, что никакого Бога, который назначает им королей, не существует. Ну, или Бог существует, но к королю не имеет никакого отношения, а потому короля можно даже и казнить.

Дальше все вроде логично: раз только народ имеет право управлять, то ему и власть. Но так как людей много и собрать их всех вместе довольно затруднительно, они просто должны избрать из своего числа наиболее достойных – тех граждан, которые и будут представлять весь народ во всех органах власти.

Вообще, Великая французская революция – это довольно странная вещь, особенно для наших русских реалий. Юридический смысл ее такой. Для утверждения новых налогов королевское правительство было вынуждено (нам, жителям России это трудно понять: как так, абсолютный монарх нуждается в согласии какого непонятого парламента для введения новых налогов. Между тем вот такой был во Франции абсолютизм) созвать Генеральные Штаты. Мероприятие это во Франции не проводилось несколько веков.

По средневековым нормам делегаты были выбраны от трех сословий – от духовенства, от дворянства и от всех остальных, которые составляли третье сословие. Фактически революция началась с того, что депутаты, избранные для участия в работе Генеральных Штатов от третьего сословия, объявили себя парламентом, то есть присвоили себе полномочия, которых у них ни юридически, ни даже теоретически не было. Впрочем, практически они были правы: третье сословие было самым многочисленным и в экономике играло решающую роль. То есть налоговое бремя приходилось именно на него, и, должно быть, мысль о том, что налоги устанавливают духовенство и дворяне, а платят все остальные, толкала депутатов на подвиги. Кстати, и в американской революции идея налогов была весьма важной и отразилась в знаменитом лозунге *No taxation without representation* («Никаких налогов без представительства!»): жителям колоний казалось несправедливым, что налоги они платят, а в парламенте, заседавшем в далеком Лондоне, они никак не представлены.

Так вот, сами революционеры считали, что Францией после революции правит великий французский народ, но фактически у власти оказались во многом случайные люди, которые сами себя объявили носителями народного суверенитета. И не факт, если уж говорить начистоту, что весь французский народ, включая крестьян из дальних деревень, так уж сильно ненавидел Людовика XVI и действительно уполномочивал на что-либо Робеспьера или какого-нибудь Сийеса.

То же самое происходило и в России конца XX века, когда съезд народных депутатов объявил себя носителем высшей власти: нас избрал народ, и поэтому мы можем делать то, что считаем нужным: менять конституцию, увольнять или назначать министров. Это, несомненно, демократия, только с одним, но очень

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
важным «но»: не люди напрямую собираются и говорят: «мы хотим видеть во власти того или другого», а их представители собираются и принимают решения. При этом постоянно предпринимаются всевозможные ограничения полномочий этих представителей: идеи императивного мандата, идеи предвыборных обещаний. Все это делается для того, чтобы человек представлял именно тех, кого он якобы представляет. Однако эти процедуры появляются не от хорошей жизни и, к сожалению, мало что дают в смысле реального народного представительства: как только депутат побеждает на выборах, реальных механизмов контроля за тем, насколько его деятельность соответствует всему тому, что он декларировал во время выборов, практически нет.

Глава 6. Проблемы аппроксимации

Идеальная модель прямой демократии, очевидно, может функционировать лишь в том случае, когда реализуются следующие допущения: во-первых, все люди хотят участвовать в управлении, и, во-вторых, все люди могут в нем участвовать, то есть достаточно компетентны: некая общность людей, отчетливо понимающая, что она управляет чем-то, собирается и принимает компетентные решения прямым голосованием.

Мы осознаем, что в реальности так не бывает, что в реальности слишком много проблем: и людей невозможно собирать постоянно, и непонятно, кто готовит все решения, и что подавляющее большинство людей совершенно некомпетентно. Поэтому прямая демократия рассматривается нами просто как идеальная модель, описывающая более справедливую и честную форму представительства мнений и позиций людей, чем опосредование таковых через структуры представительной демократии.

Представительная демократия появляется тогда, когда есть некое значительное количество людей – народ, который в своих маленьких округах (или по партийным спискам, что примерно то же самое, только вместо небольшого списка кандидатов избирателям предлагается небольшой список партий) избирает достойных и им передает свое право управлять.

Далее эти избранные люди где-то собираются и уже на постоянной основе принимают решения исходя из пользы тех людей, которые их послали. Возможно, такая идеальная модель какое-то время работала. И на некоторых территориях, особенно на местном уровне, где существуют небольшие муниципальные образования (например, всё в той же в Швейцарии), работает до сих пор. Люди собрались, выбрали местный совет, депутаты местного совета ходят по тем же улицам и решают проблемы своего городка, не теряя постоянного, живого, ежедневного контакта со своими избирателями. Но как только представительная демократия достигает уровня государства, когда избранные в одной местности люди отправляются в далекую столицу, начинаются проблемы, способы решения которых мы и пытаемся сейчас осмыслить.

Представительная демократия как идея, несомненно, хороша, но на практике даже та модель представительной демократии, которая сейчас реализована в ведущих европейских странах и в США, крайне далека от истинного народовластия.

Начнем с того (ранее мы уже обращали внимание на этот фактор), что, как только человек проголосовал, он уже не имеет отношения ко всему происходящему далее. Более того, его могут бесконечно обманывать. Избранные им люди перед ним никак формально не отчитываются, они могут принимать любые решения, а он сам не может их никак контролировать. В лучшем случае через несколько лет отказать им в доверии на следующих выборах. Но ведь несколько лет – это не так мало с точки зрения человеческой жизни: люди выходят на пенсию, дети рождаются, женщины уходят в декрет и так далее. Так что фактически гражданин пользуется своим правом один раз в несколько лет. Он приходит, отдает свой голос и все – больше у него нет никаких возможностей влиять на власть до следующих выборов. И это появилось не от хорошей жизни.

В принципе и все остальные демократические институты, которые сейчас кажутся нам естественными, – они все появились не от хорошей жизни, а от того, что прямая демократия невозможна, и поэтому ее нужно как-то аппроксимировать. В том числе институт разделения властей, который мы считаем очень хорошим, при прямой демократии не нужен (мы уже приводили пример сельского схода, который в пределах своего села вполне может замещать весь функционал и исполнительную, и законодательную, и судебную

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org власти{5}). Если у нас есть народ, который является непосредственным источником власти и все решает, то никакого разделения властей не нужно, никто не должен никого контролировать, не нужна дорогостоящая и очень трудная в настройке система сдержек и противовесов{6}. То же самое с местным самоуправлением.

До конца XIX века, как мы уже говорили в предыдущей главе, цепочка власти выстраивалась сверху: от Бога к помазанному монарху и дальше вниз. Сейчас другая идея: сверху – государственная власть, а снизу, навстречу к ней, – местное самоуправление, которое должно быть независимым. Тем не менее сегодня местное самоуправление остается довольно сложной структурой, базирующейся на представительных принципах. Прямая демократия в современной России возможна (и существует) практически только на уровне ТСЖ: на общем собрании люди собираются и решают, как им жить, и никакие ветви власти им не нужны.

Итак, мы уже несколькими примерами проиллюстрировали ключевую мысль: все непростые демократические институты и процедуры лишь аппроксимируют идеальную модель демократии, исходя из того, что идеал недостижим, и поэтому нужно изобразить что-то примерное.

Представим себе экран современного компьютера, его размер – 1600 на 1200 пикселей, то есть около 3 млн пикселей. Каждая точка экрана может быть одного из миллиона с лишним оттенков. Для того чтобы закодировать оттенок точки на экране, нужно три байта данных. Таким образом, картинка, которая занимает весь экран, должна занимать пространство порядка 9 Мбайт. На самом деле мы знаем, что фотография приличного качества на весь экран «весит» 200–300 Кбайт, то есть в несколько десятков раз меньше. Кстати, если бы каждая полноэкранная картинка «весила» бы 9 Мбайт, то минута видео «весила» бы 12 Гбайт, мы не могли бы качать фильмы и мир был бы ужасен.

Идея сжатия изображений базируется на аппроксимации. Человеческий глаз не способен воспринимать весь миллион возможных оттенков, поэтому при кодировке изображения специальная программа вычленяет области, состоящие из нескольких точек примерно одного цвета, и кодирует их все одним и тем же образом. Немного информации при этом теряется, но зато появляется возможность немного сократить объем хранимой информации: можно не запоминать оттенок каждой точки, а в файле описать координаты группы точек и задать их цвет один раз. В итоге картинка будет «весить» значительно меньше. Понятно, что эти параметры можно варьировать в зависимости от того, какую потерю качества мы можем себе позволить и каким местом для хранения изображений располагаем. Например, мы можем закодировать фотографию и так, что она будет занимать всего 5 Кбайт. В этом случае мы, скорее всего, будем все еще в состоянии понять сюжет снимка, уловить общее его настроение, узнать знакомые лица, но качество будет ужасным, фон – размытым, а изображение будет состоять как будто из больших квадратиков. Можно сжать фотографию и до 10 Байт. В последнем случае мы уже ничего не увидим, только несколько цветных точек, но все-таки они будут соответствовать тем цветам, которые наиболее часто присутствовали на исходной фотографии. Получится такая абстрактная живопись: может быть, она кого-то и привлечет, потому что будет, полностью уничтожая смысл, передавать настроение.

Бывают и ситуации, когда мы вынуждены идти на потерю качества по причинам технологического характера. Например, у нас есть достаточно места для хранения сколь угодно хорошего видео, но нам надо транслировать его в Интернете в режиме реального времени (допустим, это запись с камер видеослежения), а пропускная способность канала составляет у нас обычные 256 Кбайт/сек (то есть 2 Мбит/сек). Это значит, что на каждый кадр (исходя из 24 кадров в секунду) у нас есть чуть больше 10 Кбайт, и, как ни крути, качеством придется жертвовать. Всё будет отлично видно (в таком качестве можно и фильмы смотреть), но каждый конкретный стоп-кадр не будет изобразительным шедевром. Ну, а если в нашем распоряжении не двухмегабитный канал, а только старый модем? Тут уж предстоит делать нелегкий выбор: либо транслировать непрерывно разноцветную кашу, в которой можно будет разобрать разве что какие-то силуэты, либо, например, делать и отправлять снимки с определенными интервалами. Наверное, с точки зрения решения задачи видеослежения второй подход окажется более оправданным. У охранника на пульте картинка будет обновляться только раз в несколько секунд, но он хотя бы сможет различать лица.

Так вот, представительная демократия – это примерно то же самое: берется

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
140 млн человек и делается снимок, который весит 450 байт. Просто потому, что лучше снимок аппаратура не позволяет сделать, и всё тут – технологические ограничения! Более того, такие снимки делаются один раз в четыре года{7}, но с последовательностью этих снимков ужасного качества (на них видны только цвета политического спектра и, может быть, самые грубые контуры или векторы настроений), мы пытаемся работать как с данными о реальных настроениях граждан России. Власть смотрит этот альбом с фотографиями и пытается как-то понять, что в стране происходит. С технологической точки зрения это ужасно. Это очень плохая передача реальности, абсолютно неадекватная, поскольку картинка каждую секунду меняется, а каждый снимок был сделан единоразово. Это свидетельство того, насколько нас ограничивает несовершенство технологий.

Часть 2. ТЕХНОЛОГИИ

Глава 7. Демократия в эпоху современных технологий

На протяжении всей предыдущей части мы говорили о современной демократии как о безуспешной попытке преодолеть последствия грубой и неизбежной в доинтернетовскую эпоху аппроксимации. Но конкретные примеры показывают, что аналогичные проблемы в разных странах и в разных сферах возникали не раз и неизменно решались человечеством за счет создания сетевых, облачных структур. Более того, хотим мы того или нет, сетевые технологии проникают и в политическую жизнь, безвозвратно трансформируя ее.

Посмотрим на технологические перемены, на то, что изменилось в нашей политической жизни по сравнению с XIX веком. В то время люди уже жили большими сообществами. Уже существовали СМИ, то есть люди получали информацию о том, чего они не видели, причем более-менее регулярно. Но как они могли узнать, за кого они голосуют?

На самом деле удивительно, что в XVIII и XIX веках в США уже всенародно выбирали президента. Только представим себе: страна огромная, люди живут в деревнях, и максимум, что может позволить себе человек, баллотирующийся на какой-то пост в системе власти, – сесть на лошадь, ездить по деревням и выступать на площадях. Что об этом человеке мог знать житель деревни? Что приехал джентльмен, выступил, сказал какие-то правильные вещи. При этом сельский житель не мог знать, что сказал этот джентльмен в другом месте. Да, были журналисты и СМИ, но где взять газеты другой местности? Это сейчас мы можем зайти в Интернет и прочитать прессу со всего мира. Тогда все было иначе: была своя деревенская газета, и максимум раз в неделю в деревню привозили что-то федеральное, как это сейчас называют. Дальше человек оставался заложником того, что ему принесли. Все основывалось на том, что пресса честная и джентльмены тоже честные. В каком-то смысле это была вынужденная договоренность – единственно возможная коллективная стратегия, которая вообще была способна как-то обеспечить функционирование политической системы в той ситуации. Если исходить из мнения о том, что все врут, тогда вся эта система получения информации и выборов на ее основании становилась абсурдной.

Так вот, о том самом джентльмене, который говорит на площади правильные вещи, газеты пишут, что у него чудесная жена и дети, а сам он прекрасный человек. И жители решают голосовать за него. Но откуда им было знать, что все это правда? Возможно, этот джентльмен многоженец, алкоголик, мошенник, в соседней деревне он сказал совсем другое, а его команда – это аферисты, жулики и пьяницы. Но все это люди того времени могли узнать только в том случае, если бы у них был кем-то организованный доступ к альтернативной информации.

Это очень важный момент – люди не имели свободного доступа к информации, в лучшем случае они могли получить альтернативную информацию, распространяемую кем-то в своих интересах. Весь XIX век Америка просуществовала благодаря дикой и непредставимой сейчас презумпции честности, которая на уровне общественного договора всеми соблюдалась. К концу XIX века, когда Марк Твен написал рассказ «Как я собирался стать губернатором», это уже прошло. К середине XX века, когда появился замечательный роман «Вся королевская рать», там уже существовали телеграф и телефон, и к этому моменту тренд уже был таков, что все врут.

Перенесемся в более позднее время и другую страну на этапе становления демократии: что такое были выборы в перестройку, в конце 80-х и начале

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
90-х? Человек писал свою биографию и подробную программу, расклеивал ее в подъездах домов, жильцы которых все это читали. Партийная газета в это время писала, что нужно поддержать первого секретаря обкома партии товарища Имярек, и тут же в подпольных листовках писали, что не нужно голосовать за коммунистов. Возникали случаи, когда действительно заслуженных людей не избирали только потому, что они были коммунистами. Вместо них избирали тех, кто вовремя подсуелся, раскидал листовочек и на этой волне проехал, а в дальнейшем показал свою полную некомпетентность и неспособность к управлению.

Но что, собственно, должны были делать люди? У них были очень ограниченные источники информации: государственное телевидение, государственная пресса и какой-то самиздат. Важно, что самиздат тогда – это разные вещи. Тогда это была просто альтернативная информация с непроверяемой степенью достоверности, то сейчас информационное поле позволяет проверять практически любую информацию. Например, если сегодня какой-то человек заявляет о себе как о претенденте на власть и сообщает, что он учился в такой-то школе и был отличником, то мы можем забить эту информацию в поисковик и найти 20 блогов его одноклассников, в которых они пишут, что этот человек был второгодником и негодяем. Или просто найти его одноклассников в одной из социальных сетей и прямо их спросить, каким парнем он был.

Интернет позволил всем людям иметь равный доступ к информации, не только к положительной, которая распространяется целенаправленно, но и той, распространение которой в обычной ситуации интенсивно пресекается.

Рассмотрим вот какой момент: до самого последнего времени некий человек, даже политик, мог общаться с людьми лишь до тех пор, пока он сохранял с ними физический контакт – прямой или опосредованный. Как только политик становился эмигрантом, все, что ему оставалось делать, – это на коротковолновых передатчиках что-то вещать из-за границы – если у него была такая техническая возможность. А в более ранние времена – печатать газеты и листовки и контрабандно засылать их на родину. Скажем прямо, оба пути весьма затруднительны и прежде всего – для интерактива. Ибо подпольная листовка могла быть прочитана человеком, однако мог ли он связаться с ее автором без прямого для себя риска? Но главное – они требуют ощутимых затрат, которые могут стать непреодолимым препятствием.

Сейчас все просто и дешево: любой человек может уехать в любую точку мира и оттуда продолжать общаться со своими согражданами в прежнем режиме или с небольшими сложностями. Впервые за всю историю человечества возникла возможность прямого контакта избирателя с политиком, в то время как раньше политик был равносителен портрету на стене, ему можно было писать письма, но пообщаться с ним можно было только на митинге, стоя в толпе. Ну или на какой-то ритуальной церемонии.

Вспомним Гитлера. Конечно, не в смысле моральных качеств, а с точки зрения технологической это идеальный политик доинтернетного и даже дотелевизионного времени. Что он делал? Он ездил и выступал: выступал по радио, выступал лично, перед разными аудиториями. Таким образом он контролировал некий массив своих сторонников, которые не знали правду о нем, поскольку у них не было доступа к полной информации. Он мог рассказывать им абсолютно что угодно о своей молодости: что он был бедный, что он страдал, что он жил впроголодь, хотя это было неправдой, и сейчас бы это не прошло. Сейчас есть Facebook, и журналисты могли бы найти одноклассников Адольфа Гитлера. Притом что он занимался политикой в Германии, а свои молодые годы прожил в Австрии, и что там происходило, жители Германии знать не знали. Зато сейчас все просто: зашел на «Одноклассники» или в Facebook и спросил: «А помните, у вас учился Адольф Гитлер?» – «Конечно, помним – редкостная скотина». Предположим, что именно так ответили бы одноклассники Гитлера. Но тогда это было невозможно, и человек оказывался заложником того, что политик – это идеальная картинка, им же самим нарисованная. Прямого контакта не было, возможности постоянного общения не было, высказать свое мнение человек мог только опосредованно – через систему выборов. И вот мы получаем систему представительной демократии: голосуем непонятно как, непонятно за кого, и непонятно, почему этот человек должен где-то представлять якобы наши интересы. В итоге вся история нам показывает: получалось всегда не так, как голосовали люди, а по-другому. В 1991 году у нас был референдум, по итогам которого жители СССР хотели сохранить Советский Союз, однако к концу года он развалился, и

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
никаких многомиллионных восстаний в стране не произошло.

Сомнительно, что в 1917 году большинство русских крестьян так уж ненавидели Николая II. Во всяком случае, они не были так злы на него, как петербургское общество, которое действительно люто ненавидело царя. Крестьянам же по большому счету было все равно. Но их никто не спрашивал, поскольку технически это было невозможно, да и самая идея спросить всех тогда еще не казалась такой уж очевидной, поэтому их поставили перед свершившимся фактом. В 1991 году большинство жителей СССР, возможно, не хотели распада своей страны и даже сообщили об этом власти в ходе референдума, но в итоге их мнением просто пренебрегли. Это и есть главная проблема современной политики: когда политику удобно, он может сослаться на мнение своих избирателей, а когда нет – поступать по своему усмотрению. Во втором случае крайне сложно доказать, что избранник действует против волей избравших: его мандат легитимен, а реальных механизмов учета изменений настроения избирателей просто не предусмотрено.

***

Одним из важнейших явлений современной общественной жизни можно считать трансформацию публичности. В данном случае мы говорим о фундаментальном изменении восприятия обществом публичной персоны.

Если мы посмотрим на историю развития общества, мы обнаружим два характерных примера. Представим себе монарха, живущего в XIX веке, и современного европейского монарха. Что мы обнаружим?

Монарх позапрошлого века был для своих подданных и для внешнего мира в целом не более чем иконой. Например, английская королева Виктория. При жизни она была идеалом – королева, величественная и державная дама, которая всю жизнь оплакивала своего супруга. Этот образ был растиражирован по всему миру, притом что в обычной жизни это была маленькая толстенькая старушка, которая не чуралась обрести душевный покой в объятиях отзывчивого садовника. Все ее добродетели были не ее личными, а приписанными ей. Какая она была на самом деле, не знал никто, может быть, кроме того самого садовника. И это была Англия, самое продвинутое общество того времени.

Если мы углубимся в историю Испании того же времени, то и там происходило ровно то же самое: о том, что творилось в королевских покоях, не знал никто, кроме ближайшего окружения монархов. Так, испанская королева Изабелла Вторая была нимфоманкой, а ее муж – гомосексуалистом. Тем не менее она оставалась королевой и живым символом католической нации, и едва ли крестьяне Андалусии хотя бы примерно представляли себе, что творится на самой вершине власти.

Теперь посмотрим на современную монаршую семью в любой европейской стране: это люди, которые живут в режиме постоянного реалити-шоу, а потому «ходят по струнке» и совершают только правильные поступки. За элементарные проступки, которые прощаются любому человеку, они должны каяться, а общество еще и фыркает, что они не соответствуют высочайшим моральным стандартам и вообще дорого обходятся. И это притом, что монархи, например, в скандинавских странах живут достаточно скромно, хуже многих собственных подданных.

Аналогичным образом можно сопоставить римского папу, живущего во времена Средневековья, и современного римского папу. Покойный Иоанн Павел II оставался публичным буквально до последнего дыхания, хотя у него была болезнь Паркинсона, и в старые времена он бы просто перестал появляться на людях и тихо доживал век в дальних комнатах Апостольского дворца. При этом печальную правду о фактической недееспособности римского первосвященника знал бы довольно узкий круг церковной и светской знати, ну, может быть, по Риму ходили бы какие-то слухи. В начале XXI века ситуация оказалась совершенно иной. Информационное общество, с одной стороны, требовало, чтоб папу постоянно предъявляли страждущим его видеть католикам, с другой – позволило превратить его болезнь и даже смерть в своеобразное пропагандистское шоу.

Между тем историки сообщают нам, что римские папы в Средние века занимались чем угодно, но только не добрыми делами и не молитвами. Тогда это было возможно, потому что для какого-нибудь католика, живущего в Латинской Америке, римский папа был немногим ближе и реальнее, чем Дева Мария.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Возвращаясь к нашему примеру с аппроксимацией изображения на мониторе, для этого католика римский папа – это один ослепительно-белый пиксель, который ему показали один-единственный раз в жизни. Это была аппроксимация всей католической жизни. Именно поэтому римские папы могли жить вполне свободно, не беспокоясь о своей глобальной репутации – просто потому что не было никаких механизмов, которые бы могли разрушить эту самую репутацию.

Вообще большую часть истории человечества власть была абсолютно отделена от общества и существовала в двух измерениях: как человеческая жизнь властной элиты и как набор внешних символов. И между символической формой и ее реальным содержанием могло и не быть ничего общего.

Сегодня рядовой гражданин в западном мире ведет свою частную жизнь, он может быть алкоголиком и наркоманом, но при этом он же требует от власти максимальной чистоты и прозрачности. Современный мир – впервые в истории! – вплотную приблизился к тому, что монархи и римские папы действительно стали образцом для подражания. Мы подошли к тому, что публичные персоны вынуждены быть гораздо честнее, чем им бы самим хотелось.

Так происходит в самых развитых информационных обществах, в которых информационные технологии оказывают сильнейшее влияние на жизнь людей. При этом, конечно, есть страны, которые до сих пор живут состоянии доинформационного общества, когда на стенах висят портреты вождей.

Мы считаем, что из этого состояния рано или поздно должны выйти все люди, потому что Интернет и весь комплекс информационных технологий позволяет получать гораздо более полное представление о происходящем и делает людей более осведомленными об окружающем мире, о реальном положении дел в своей стране и о том, кто и почему ими правит. События зимы и весны 2011 года в странах арабского мира как раз и показали, как стремительно меняется общество и как быстро устаревают прежние правила игры.

Еще недавно людям говорили: где-то там есть наши интересы, есть земля, за которую мы должны биться и умереть. Теперь люди своим глазами видят: вот она, та самая земля, и могут осмысленно ответить на вопрос: готовы ли они умереть за нее? Если сейчас человек хочет получить информацию, он ее может получить – это презумпция информированности. В любой стране мира, в том числе и в России, имея доступ к Интернету, человек может получить максимально полную информацию. Более того, он может получить доступ к экспертным мнениям, альтернативным официальным точкам зрения.

Вот конкретный пример. В советское время шла передача «Международная панорама»: в студии сидели политологи, обсуждали, например, демонстрацию в Германии и делали свои выводы – в Западной Германии все плохо. Таким образом, зрителям предлагали картинку демонстрации в Штутгарте и экспертное мнение. Сейчас мы можем зайти в Интернет и узнать, что на самом деле в Германии были совсем не те демонстрации, не из-за тех причин и что эксперты в действительности несли полную ерунду. Поэтому когда нам говорят, что народ пассивен, возникает вопрос: а все ли эти люди имеют доступ к информации? И что самое главное – к какой информации? До сих пор еще для многих людей официальные СМИ, такие как «Первый канал» и «Россия», являются единственными источниками информации, которые формируют их мнение. И пока эта тенденция сохраняется, то, о чем мы говорим, – это будущее, но все равно недалекое. Есть линейный путь получения информации, а есть сетевой. Пока мы используем линейный путь и получаем информацию по проводам и по рельсам, мы живем в прошлом. Как только мы попадаем в сеть, где информации много и она разная, рушится не только информационная картина мира, но и все устои линейного общества.

Глава 8. Модели самоорганизации

Один из главных аргументов противников прямой демократии – это отрицание самой возможности того, что люди могут организовываться и решать свои проблемы без вертикально выстроенных институтов внешнего контроля и учета. Между прочим, в современном мире активно существуют и развиваются как минимум две высокоорганизованные и эффективные структуры, действующие вопреки стандартным вертикальным схемам.

Первая из них – это «хавала», неформальная финансово-расчетная система, используемая преимущественно на Среднем Востоке, в Африке и в Юго-Восточной Азии. В Китае ее называют «фэй чьен», на Филиппинах «падала», в Пакистане

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org «худж», в Таиланде «фей кван». На иврите слово «хавала» означает «посылка», с арабского это слово можно перевести как «расписка».

Эта система сформировалась в Индии задолго до появления западной банковской системы и до распространения западного банковского дела на Востоке. Используется эта система расчётов в основном иммигрантами, зарабатывающими на Западе и отсылающими деньги родственникам.

Хавала основана на переводе денежных средств путём однократных уведомлений – в виде письма, телеграммы или телефонного звонка. Материальные ценности в виде денег, золота и драгоценных камней перемещаются из страны в страну без сопроводительных финансовых документов. В силу того что все финансовые транзакции осуществляются методом взаимозачёта или при личных встречах (второе случается значительно реже), то отследить эти потоки государственные контрольные органы не в состоянии.

На практике это выглядит следующим образом. Иммигрант, желающий отправить деньги на родину, обращается к известному в общине человеку, который является брокером системы. Он сообщает координаты родственников и передает деньги. Брокер (назовем этого почтенного человека так) после получения денег отправляет своему партнёру в стране назначения платежа сообщение. Сообщение содержит только сумму, имя получателя платежа и код (чаще всего порядок цифр на купюре).

Родственникам иммигранта достаточно прийти к ближайшему оператору этой системы и назвать код платежа. И деньги получены, без всякого участия мировой финансовой системы.

Предполагается, что всего в мире действует около 5000 брокерских пунктов хавалы. Оставим за скобками правовые аспекты этой деятельности, зафиксируем только, что параллельно с глобальной финансовой индустрией существует и такая вот система. Точнее, множественные системы: понятно, что схема хавалы работает в рамках общины и едва ли китайский иммигрант пойдет слать деньги на родину через филиппинскую общину.

В чем-то похожая система уже много лет функционирует в Индии и называется «даббавала». Даббавалами называются и задействованные в системе люди.

Главный смысл всей структуры – доставка рабочим и служащим в центре Мумбая обедов, приготовленных для них у них дома. Пользование услугой позволяет решить две проблемы: не брать еду из дома утром (потому что до обеда она может испортиться, да и просто будет несвежей) и не пользоваться услугами общепита (кто видел индийский общепит, тот поймет, что есть там – это действительно не самая лучшая идея).

Даббавалы-сборщики, объезжая до тридцати домов, где их знают в лицо, собирают судки с обедами, на которые наносятся простые символьные или цветные метки, не требующие для их понимания умения читать. Собранные судки доставляют к месту их сборки. Там они распределяются другими даббавалами по железнодорожным станциям назначения, при необходимости перемечаются и общественным транспортом, обычно железнодорожным, перевозятся на станции, где забираются местными даббавалами, которые и доставляют (тоже на велосипеде или мопеде) судки по месту назначения, а потом собирают пустые и отправляют их обратно.

Доставка происходит по расписанию, которое должно выдерживаться до секунды! И выдерживается, несмотря на то что нет никакого учета по нормам современной логистики. Все делается с максимальной скоростью и эффективностью при участии минимально возможного количества людей.

Обе эти системы говорят нам, что альтернатива всегда есть – даже в мире финансов и логистики. То, что в России делается путем заполнения кучи документов, которые все равно будут потеряны, как оказывается, можно сделать очень просто – без бюрократии и очень эффективно. Но есть одно важное обстоятельство: если во всей длинной цепочке окажется один бесчестный или просто неаккуратный человек, все рухнет. Таким образом, не веря случайным людям (а в огромном мире мы все для большинства – случайные люди), мы вынуждены жить в мире бланков и все более громоздких вертикальных схем.

Приведенные примеры, по нашему мнению, иллюстрируют мысль о модификации

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
общественных институтов в зависимости от технологических возможностей общества. У индийского общества нет никаких способов контролировать правильность доставки продуктов, а доставлять надо – поэтому складывается система взаимоотношений, построенная на честности. Люди очень трудно вырабатывают общественные договоры, распространяющиеся на большие человеческие массы, но если «припрёт» – то есть когда альтернатива заключается в том, что либо будет система, основанная на договоре, либо не будет вообще никакой – то договор возникает. Подобным же образом законом было и купеческое слово в XVIII–XIX веках в России: всё равно не было эффективных судов, всё равно не было способов решать споры вне зависимости от количества печатей на бумаге, поэтому честность оставалась единственным выходом – или бы торговый бизнес просто не существовал.

Но что происходит по мере того как технологические возможности совершенствуются? Начинают становиться более сложными и взаимоотношения. Как говорится, где раньше был один бухгалтер со счетами, теперь сидят десять с компьютерами. И это действительно так: раньше государство просто не запрашивало с предприятий и 5% той документации, которая запрашивается сейчас, просто потому, что у государства не было никакой возможности эти данные собрать и обработать, а главное, оно прекрасно знало, что у предпринимателей нет никакой технической возможности эти данные предоставить. Теперь возможность есть – и документооборот увеличивается в десятки раз.

Другой пример вынужденного отказа от процедур, которые вообще-то кажутся полезными, – использование пластиковых карт или чековых книжек буквально несколько десятков лет тому назад. Это сейчас все транзакции проходят электронную проверку: система делает запрос банку держателя карты, тот подтверждает наличие на счете достаточного количества средств... Раньше же – не так. Покупатель выписал чек или предъявил карту – и этого достаточно, чтобы считать, что деньги у него есть. И ничего, так работала система безналичных расчетов. Но, конечно, когда технологические возможности все контролировать появились, система стала все контролировать. Стала ли она от этого лучше? Не факт! Вполне возможно, что если посчитать «по кругу», то мы обнаружим: совокупные издержки на обеспечение контроля превосходят те совокупные потери, которые раньше случались в системе из-за нечестности отдельных ее участников. Просто раньше из-за рисков в систему допускались не все – чековая книжка или пластиковая карта были символом принадлежности к определенным слоям общества. Сейчас же они доступны любому – все равно возможности махинаций сведены к минимуму.

Так вот, то же самое и происходит и с демократическими процедурами и институтами. Например, выборы: мы видим в телевизионной трансляции, как проходят первые демократические выборы в Южном Судане – к палатке тянется очередь плохо одетых людей, им на руку ставят крестик, что они проголосовали, эти люди (большинство – неграмотные) чуть ли не вслух говорят о своем выборе. Минимум процедуры – но это тоже выборы. У нас – сотни страниц федерального и регионального законодательства о выборах, строжайшие процедуры, детализирующие всё – от процесса изготовления и распределения по комиссиям бюллетеней до всех тонкостей процедуры подсчета голосов и заполнения итогового протокола. Права и статус наблюдателей, порядок информирования избирателей о доходах кандидатов, принципы оформления избирательных кабин, порядок голосования на дому, участие политических партий в формировании избирательных комиссий... тысячи норм, деталей, институтов, выверенных многолетней практикой и теорией. Результат? С точки зрения свободы волеизъявления, качества отражения воли избирателей, репрезентативности итоговых протоколов получается когда чуть лучше, а когда и гораздо хуже, чем в Южном Судане. По затратам и тонкостям – в сотни раз сложнее и дороже.

Нарастание сложности со временем является неперенным атрибутом эволюции биологических, социальных и технологических систем. Однако эволюция технологических систем одновременно носит ярко выраженный циклический характер. В поисках большей функциональности сложность нарастает и копится до нового технологического прорыва, который знаменует очередной виток эволюции. На этом новом витке все накопившиеся наслоения безжалостно отбрасываются, новая базовая технологическая парадигма заступает на место старой и начинает понемногу совершенствоваться и усложняться. Эволюция технологий протекает в основном под давлением законов бизнеса, которые вынуждают резко отказываться от всего устаревшего, а кроме того, смена парадигм происходит достаточно быстро, чтобы старые не успели слишком

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org глубоко войти в жизнь и стать непререкаемой традицией для всего общества (хотя клубы любителей фотоаппаратов «Ломо» и виниловых пластинок благополучно существуют). Даже и здесь есть исключения, которые подтверждают правило: «синяя печать» в деловом документообороте давно утратила практический смысл, который веками вкладывался в заверяющий оттиск на документе, гарантирующий его уникальность и неизменность. Соответственно, в эволюции социальных институтов сила традиций еще более ярко выражена, любые изменения происходят медленнее, а многие устаревшие технологические подходы сакрализировались в ходе многовекового использования.

В этом смысле важно понимать: сложность общественных институтов не является достижением сама по себе и не обеспечивает их качественной работы. Очень часто общественные институты сложны только потому, что технологический уровень позволяет им быть сложными. И это вовсе не значит, что того же результата нельзя добиться с много меньшими затратами.

Глава 9. Сетевые структуры и смена парадигм

Сетевые, или облачные, структуры стали одним из самых захватывающих новшеств нашего времени, но в каком-то смысле они совсем не новы для человечества. Точнее сказать, наше время облекло в удобную и общедоступную форму то, что в прошлом было организовано гораздо сложнее и причудливее.

Потребность в сетевых структурах всегда ощущалась людьми, особенно их активной частью. В каком-то смысле любопытной попыткой выстроить социальную сеть внутри постоянно расширяющейся вовлеченной в общественную жизнь тусовки стали тайные общества.

В чем суть классического тайного общества, например масонского, в развитой политической системе – допустим, в английской, американской или французской демократии XVIII-XX веков?

Фактически речь шла о попытке возродить на новом уровне более древнюю систему, когда обществом управлял узкий круг аристократии, связанной между собой родовыми и феодальными связями. Эти связи были своего рода гарантией, что человек понятен и управляем. Юноша приезжал ко двору из глухой провинции, представлялся – королевский двор видел, что человек из понятного круга, с понятным воспитанием и что если он будет себя неправильно вести, то на него можно найти управу. Как минимум старший мужчина в роду всегда сможет вправить ему мозги в приватном разговоре. Опять-таки все про всех все знали, и потому аристократы вынуждена была соблюдать правила в отношении друг друга, рискуя в ином случае стать изгоями.

К XVIII-XIX векам в политические процессы стали вовлекаться более широкие круги общества – купцы, промышленники и т.д. Людей в элите стало физически больше, и старые правила внутренней самоорганизации перестали работать. Для успешного отправления власти надо было устанавливать связи между старыми и новыми элитами, создавать какие-то новые коммуникационные системы и социальные сети.

Осмелимся высказать предположение, что тайные общества и стали той самой социальной сетью, через которую не соприкасающиеся в реальной жизни слои элиты могли узнать друг друга и решать вопросы, опираясь не только на публично оглашенные правила, но и на личные связи и гарантии среды. Несомненно, это совершенно антидемократический процесс, о чем постоянно напоминали разоблачители масонства. Но, глядя с вершин нашего времени, надо признать, что играть по публичным правилам в условиях отсутствия гарантий того, что другие игроки их соблюдают, довольно опрометчиво, а добровольное принятие на себя обязательств и правил в рамках тайного общества становилось той самой гарантией.

Итак, рассмотрим масонство как аналог современной социальной сети для профессионалов. По сути, структура та же самая: сначала человек получает приглашение (в современных электронных сообществах – «инвайт») от каких-то своих друзей, которые гарантируют другим участникам сети, что человек готов играть по правилам. Дальше он проходит ритуальные посвящения – в современной ситуации это аналог регистрации аккаунта и выбора аватара, никнейма и т.д. Далее он постепенно получал доступ ко все новым кругам связей, то есть у него рос рейтинг внутри сети. Естественно, знакомства внутри сети имели продолжения в реальной жизни, и человек начинал делать карьеру или бизнес, опираясь на связи и рекомендации, полученные внутри

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org сети.

Помимо этого, сеть служила гарантией соответствия некоторым критериям. Более того, заручившись рекомендательными письмами, можно было получать выходы на широкий круг людей в других регионах и странах. Естественно, технологические проблемы вносили свою поправку, так что в итоге проходимость и аферистов хватало везде, потому что документы можно подделать, а запросы и уточнения могли идти очень долго.

С другой стороны, с любым тайным обществом рано или поздно происходит одно из двух: или в нем оказывается слишком много членов, и снова прямые коммуникации исчезают и в итоге никто ничего ни про кого не знает, или же общество все сильнее изолируется от социума и неизбежно теряет влияние.

Другой аналогией могут служить преступные организации – там тоже все про всех все знают, но, какими бы они ни были эффективными, рано или поздно возникает та же проблема: или в шайке становится слишком много народа, и она теряет управляемость и эффективность, или структура костенеет, теряет эффективность и в итоге все равно проигрывает.

В этом смысле современные электронные социальные сети способны совместить в себе и возможность прямых коммуникаций между участниками, и бесконечное количество их участников. Любой может найти любого и получить большое количество информации о любом – минуя посредников.

Таким образом, современное нам общество вплотную приблизилось к тому, чтобы обрести все те качества и возможности, которых ему не хватало всю предыдущую историю. Сейчас главное – это осознать, что многие привычные нам атрибуты и процедуры отнюдь не необходимы, ибо порождены не их внутренней обусловленностью, а внешним техническим несовершенством.

Ниже мы рассмотрим один чрезвычайно любопытный пример, который не связан с политикой, но очень рельефно показывает, каким образом весьма консервативная сфера деятельности спустя многие столетия после стабилизации своих процедур и практик может неожиданно осознать, что мир полностью изменился и в этом мире гораздо выгоднее отбросить старые процедуры и развить новые.

Наш пример довольно далек от рассматриваемого нами предмета и может показаться несколько надуманным. Однако мы все-таки предлагаем ненадолго отвлечься от политики и вспомнить о том, как развивался бизнес. Потому что бизнес – это та сфера человеческой деятельности, в которой отжившие и старые нормы отбрасываются быстро и безжалостно, и это не вызывает такой полемики, как трансформация общественных институтов.

Сначала бизнес был очень простым: я тебе булку хлеба, ты мне сапог, я тебе вторую булку, ты мне второй сапог. И постепенно становился все более сложным, комплексным, и в нем появлялись различные инструменты. В XV веке уже существовали не только наличные деньги, но и акции, банки, займы, сложные платежные инструменты, такие как векселя, фьючерсные обязательства, существовала и налоговая служба. Естественно, так было не везде, а в развитых центрах, в первую очередь в городах Северной Италии. Велись огромные бухгалтерские книги, была развитая система учета. И вот в 1494 году ученый монах-францисканец Лука Пачоли придумал вещь, на которую бухгалтеры всего мира молятся до сих пор, – она называется «двойная запись». Он предложил каждую бухгалтерскую проводку отображать дважды: в дебете и в кредите. Появилось понятие корреспонденции счетов бухгалтерского учета.

Для чего нужна была двойная запись? Она была нужна для налогового учета. Если человек сжег свой гроссбух, то по всем остальным имеющимся во Флоренции гроссбухам можно восстановить все сведения и правильно исчислить размер налога. При использовании двойной записи гораздо сложнее уклониться от налогообложения. Является ли двойная запись прогрессом? Очень сложно ответить на этот вопрос, поскольку вся работа бухгалтеров удвоилась. С одной стороны, появилась возможность для самоконтроля, с другой – учет существенно усложнился. Прежде всего это было необходимо для государства, чтобы оно дальше процветало. Если бы была возможность не придумывать двойную запись, а каким-то другим образом проверять, кто и сколько совершил операций и каким налогом должен быть обложен, надо было бы ее изобретать? Нет, конечно. Таким образом, если представить себе, что существует бог

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Меркурий, который всё про всех знает и всегда информирует налоговую инспекцию о всех совершенных операциях, то в этом случае двойная запись была бы не нужна. Но поскольку такого Меркурия не существует, налоговой службе флоренции приходится настаивать на том, чтобы все хозяйствующие субъекты ввели у себя двойную систему учета.

Насколько сильно ситуация изменилась за первые 500 лет, с 1494 по 1994 год? Правильный ответ – да ни насколько, с технологической точки зрения ситуация не изменилась никак. Да, появились компьютеры, и к концу XX века вся бухгалтерия стала вестись в компьютерах. Но эти компьютеры последовательно автоматизировали всё ту же самую двойную запись, только с помощью специальных программ. На смену бухгалтерским бумажным гроссбухам пришли точно такие же гроссбухи, только электронные.

Изменилось ли что-то за последние несколько лет? Да. С технологической точки зрения за последние несколько лет – по сравнению с первыми пятьюстами – всё изменилось кардинально: двойная запись стала просто не нужна. Появление компьютеров не изменило ничего, просто появились более мощные счеты. Появление Интернета изменило всё.

Сейчас и в Европе, и в России активно создаются электронные коммерческие пространства, когда мы на каком-то сервере, доступном для контролирующих органов, проводим все операции: сначала выставление счетов в электронном виде, потом проведение платежей тоже в электронном виде. Таким образом, субъекты такой электронной хозяйственной деятельности могут уже не вести у себя никакого громоздкого официального бухгалтерского учета – система выполняет роль описанного выше Меркурия. Это он «стучит» в налоговую и говорит, сколько должен заплатить купец Иванов. Автоматически формирует счета, платежные поручения и перечисляет со счета участника системы электронного взаимодействия соответствующую сумму налоговых платежей. Конечно, это пока тоже некий еще не достигнутый идеал, но, по оценкам экспертов Евросоюза, достижимый к 2015 году. Технологических препятствий нет никаких, есть только психологические.

Переход к электронным взаиморасчетам и электронному документообороту на удаленных серверах – это новая технологическая парадигма, которая возникла буквально в течение последних 10 лет и сейчас вытесняет прежнюю, которая просуществовала более 500 лет в неизменном виде. И сейчас все в самом деле могут вздохнуть с облегчением: отказаться от учета, который велся только в целях налогообложения, отнимая кучу трудовых ресурсов, и сосредоточиться на управленческом учете, важном для развития бизнеса. В управленческом учете двойная запись не нужна! Однако за последние 500 лет все технологии ведения бухгалтерского учета оказались настолько сильно вбиты в голову, что бухгалтеры до сих пор не могут понять и принять новую систему.

И тем не менее слом технологической парадигмы происходит прямо сейчас, и он неизбежен. Двойная запись (как и многие другие инструменты бухгалтерского учета) была придумана в свое время не от хорошей жизни, а потому что иначе было нельзя. Сейчас можно и иначе.

Вернемся теперь к политике и предложим смелую аналогию с вышеизложенным. Три тысячи лет, начиная с греческих полисов, совершенствовалась представительная демократия, все дальше и дальше уходя от идеалов прямой демократии, все в меньшей и меньшей степени оставаясь народовластием. Это делалось для того, чтобы устранить технологические ограничения, о которых мы уже говорили. И действительно, примерно до 2005 года нельзя было предложить никакую другую технологическую альтернативу, и человечеству ничего не оставалось, кроме как принимать представительную демократию со всеми ее институциями, к которым мы к тому же так привыкли.

Однако сейчас такая технологическая альтернатива появилась. Как и в случае с двойной записью в бухгалтерии, мы можем взять и одним шагом вернуться в изначальное состояние – к прямой демократии – на новых технологических платформах. Возможность каждого человека принимать непосредственное участие в прямой демократии, кликая мышкой по субботам и воскресениям в течение получаса в компьютерных политических игрушках, может войти и в нашу повседневную жизнь, и полностью изменить общественную жизнь.

Но готово ли человечество к такому шагу? Психологи давно доказали, что игровая активность человека – это подготовка его к будущей осмысленной деятельности. В наше время миллионы (если не миллиарды) людей часто или

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org редко играют в компьютерные игры. Несмотря на то что наибольший успех имеют пресловутые «стрелялки», значительный интерес вызывают и стратегические игры, в той или иной степени являющиеся вариациями «Цивилизации». В рамках таких игр участник оказывается в положении руководителя государства или армии и должен принимать решения по широкому спектру вопросов, причем делается это на основании выдаваемой компьютером информации и оформляется путем нажатия одной из предлагаемых клавиш.

Кроме того, существует особый сегмент многопользовательских онлайн-стратегий, в том числе и политических. В них игрок фактически становится гражданином виртуального государства и в рамках игры ведет, в несколько упрощенной форме, обычную социальную жизнь – платит налоги, избирает, избирается, участвует в обсуждениях, воюет, работает и т.д.

При всей спорной ценности такого рода досуга несомненно одно: такие игры уже сейчас готовят человечество к политической системе ближайшего будущего.

В первом приближении предлагаемая нами модель политической системы – это смесь социальной сети и интерактивной политической стратегии в реальном времени. В заключительной части мы рассмотрим эти идеи конкретнее.

Глава 10. Электронная подпись

Конечно, само по себе успешное функционирование социальных сетей и компьютерных игр, симулирующих демократические процессы в виртуальной реальности, отнюдь не делает простой задачу реализации соответствующих механизмов в электронной прямой демократии, о которой мы мечтаем. Однако все технологические механизмы к настоящему времени уже созданы, и сейчас мы их последовательно рассмотрим.

Предлагаемая нами модель электронной прямой демократии предполагает регулярное участие каждого избирателя в решении тех или иных вопросов в удаленном режиме, со своего домашнего компьютера или мобильного устройства. При этом, естественно, встает вопрос об аутентификации этого избирателя. Механизм существует уже сейчас – это электронная подпись. Собственно, ее появление – это один из тех шагов технологической революции наших дней, который в итоге сделает прямую демократию возможной в обозримом будущем. Разве не чудо, что уже сейчас через Интернет человек может произвести любой платеж, причем это ничуть не менее (а может, даже и более) безопасная операция, чем платеж в банке с заполнением всех традиционных бумажек.

Что же такое электронная подпись? Мы считаем необходимым остановиться на истории возникновения этого явления подробнее, в том числе и для того, чтобы читатели представили себе уровень доступных нам технологий. Тем более что история возникновения этой технологии, столь важной для функционирования прямой сетевой демократии, очень похожа на неожиданную и мгновенную смену технологической парадигмы.

Когда рассказывают о защите информации, о передаче неких секретных сообщений на расстоянии, то обычно начинают с 46 года до н.э., с Юлия Цезаря.

Именно Гай Юлий Цезарь, по сообщениям историков, изобрел так называемый секретный алфавитный код Цезаря, который использовал для связи со своими легатами в регионах. Цезарь посылал им зашифрованные сообщения со сдвигом на три позиции в алфавите: вместо буквы А он писал букву D, вместо В – Е и т.д. Этой шифровки было достаточно, чтобы неразумные варвары, даже перехватив сообщение, не смогли бы его прочитать. Код Цезаря – это шифр с разделяемым секретом шифрования и дешифрования. Его функционирование основано на том, чтобы обе стороны – отправитель и получатель – заранее при встрече договаривались о некоем общем секрете. В данном примере секретом является параметр сдвига – цифра три. Используя имеющееся знание, которого нет у перехватчика, отправитель и получатель могут обмениваться информацией, будучи уверенными в ее конфиденциальности. Кроме того, легат мог быть вполне уверен, что отправителем послания являлся сам император, ведь никто кроме него не знал секретный код.

Интересно, что за последующие 2000 лет принципиально ничего не изменилось. Конечно, технологии развивались, и появлялись гораздо более сложные коды типа шифра Виженера, хитроумные шифровальные машины типа «Энигмы», использовавшейся во время Второй мировой войны. Однако принцип остался

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
прежним: сторонам необходимо встретиться, договориться о разделении секрета, чтобы потом, уже разъехавшись, они могли обмениваться информацией на основании общего секретного кода.

Электронные коммуникации конца XX века сформировали новые вызовы. Появление Интернета поставило прежнюю схему обмена секретными данными под сомнение. Конечно, очень хочется уметь шифровать информацию при передаче через Интернет данных о кредитных карточках. Также очень хочется уметь на расстоянии идентифицировать покупателя в интернет-магазине. Однако какой будет смысл совершения покупки в интернет-магазине, если предварительно придется в этот магазин ехать и договариваться о секретном коде?

Иными словами, было непонятно, есть ли ответы на новые жизненные вызовы и возможны ли иные подходы к шифрованию информации и аутентификации. Однако такие подходы были найдены. В 1976 году два американских математика Уитфилд Диффи и Мартин Хеллман опубликовали работу о так называемой «односторонней функции-ловушке». Они предложили теоретическую модель инфраструктуры открытых ключей – механизма, на базе которого построены все современные системы электронной цифровой подписи. Суть работы механизма такова: представим себе, что у нас есть некая односторонняя функция, которая очень легко преобразует одно число в другое, однако обратное преобразование будет выполнить очень сложно. Классическим примером односторонней функции-ловушки служит произведение двух больших простых чисел. Умножить два больших простых числа очень легко, для компьютера это операция миллисекундная. При этом разложить большое число на простые множители очень сложно. Эта операция может занимать годы, даже столетия – в зависимости от длины числа.

Теперь, если у нас есть такая функция, то каждый участник системы обмена документами может придумать первый, секретный, параметр функции, по нему с помощью односторонней функции вычислить второй, открытый, параметр и его публиковать. В этой ситуации можно не бояться, что секретный параметр будет узнан, поскольку функция в обратную сторону не действует. Это позволит людям обмениваться защищенными сообщениями, не встречаясь друг с другом и не разделяя секрета. У каждого участника системы будут закрытый и открытый ключи. Чтобы послать кому-то сообщение, человек его шифрует с помощью открытого ключа получателя – единственного человека, который сможет это сообщение прочитать, поскольку будет обладать парным закрытым ключом.

В 1977 году, уже через год после работы Диффи и Хеллмана, появилась первая практическая схема, работающая на открытых ключах. Ее предложили Рональд Райвест, Ади Шамир и Леонард Адлеман, по первым буквам их фамилий эта схема получила название RSA. Сегодня – беспрецедентный случай для теоретической математики – компания RSA Security, оцениваемая примерно в 2 млрд долларов, является крупнейшим игроком на мировом рынке информационной безопасности.

Все вышесказанное очень хорошо иллюстрирует то, что может случиться с технологиями: 2000 лет они оставались неизменными, но потом изменилась технологическая парадигма, появились новые носители, интернет-коммуникации, были предъявлены новые требования, и был найден новый способ обмена секретной информацией. Стало ясно, что можно обеспечить информационную безопасность на расстоянии для людей, которые никогда друг друга не видели.

Вернемся снова к политике.

Предположим, у нас идеальная форма правления, прямая демократия, а какой-то избиратель уехал. Как мы можем узнать его мнение? Если нет телефонов, он может оставить свое мнение другу или знакомому, который придет на общее собрание и скажет: он уехал и просил меня передать, что он против строительства храма на месте фонтана. Если другу не поверят на слово, он должен будет показать нотариально заверенное доказательство своих полномочий высказываться от имени своего друга, что уже фактически превращает прямую демократию в представительную. Считается ли в этом случае, что уехавший избиратель принял участие в голосовании? С одной стороны, он высказал свое мнение, с другой стороны, это мнение было высказано не им лично, и если допустить, что представитель – бесчестный человек, то в итоге может оказаться, что произошла манипуляция и даже фальсификация итогов голосования как минимум в данном случае.

Если мы верим друг другу и живем в маленькой общине, то да, этот голос может быть учтен. С точки зрения большого города и большой страны – нет, потому что доказать это невозможно. Аналогичные ситуации возникают у нас

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org сплешь и рядом: «мне доверяют миллионы людей, и поэтому я представляю мнение народа». Так вот, чтобы избежать подобного, момент делегирования права голоса должен быть институционально закреплен. Для этого все люди приходят в установленный день в специальные места и говорят, что мнение их местности будет представлять, условно говоря, Уинстон Черчилль. Когда люди, подобные Черчиллю, собираются в парламенте, предполагается, что у каждого из них в кармане лежит огромное количество нотариально заверенных голосов, которые и составляют их мандат, то есть право голосовать от имени множества других людей, им доверившихся. Кроме того, предполагается, что все они – джентльмены и будут голосовать только так, как обещали избирателям. Это проконтролировать гораздо сложнее, чем сам процесс передачи полномочий от избирателей к депутату, и именно тут кроются все самые большие разочарования. Между прочим, здесь уместно вспомнить, как Уинстон Черчилль пришел во власть. В то время в Англии некоторые одномандатные округа были огромными, со многими десятками тысяч жителей, а некоторые – размером с одно поместье. Так вот, Черчилль избирался депутатом от своего поместья, то есть за него голосовали конюх, кучер и т.д.

Соответственно, когда нам говорят, что прямое участие граждан в принятии решений невозможно, то мы отвечаем, что оно будет оставаться невозможным лишь до тех пор, пока мы будем делать вид, что ничего не изменилось в окружающем мире.

Сейчас возможно включить компьютер, подключить скайп и разговаривать с человеком из Рио-де-Жанейро. Принимает он участие в нашей беседе? Конечно. Несомненно, найдутся скептики, которые будут утверждать, что это не живой человек, а специальная компьютерная программа. Вот для таких скептиков и существует электронная подпись, которая удостоверяет любое волеизъявление, где бы ни находился человек – в Рио-де-Жанейро или в Екатеринбурге. С этого момента все отговорки, что мы не можем позволить себе прямую демократию, исчезают. Более того, уровень современных технологий позволяет нам говорить о значительно более удобных и развитых моделях электронной демократии, чем просто моделирование вече в прямой демократии в Интернете – об этом пойдет речь в третьей части нашей книги.

Сегодня как раз получается странная вещь: мнение каждого можно узнать напрямую, но этим пренебрегают, предлагая мне высказывать свое мнение посредством странной многочленной структуры доверия своего голоса кому-то там. Зачем человеку исказить свой голос через много ступеней в какой-то совершенно непонятный пиксель (все та же самая аппроксимация, о которой мы писали ранее), когда уже сегодня технологически возможно учесть и сохранить голос человека в неискаженном виде, с учетом всех полутонов и ноток тембра?

часть 3. БУДУЩЕЕ

Глава 11. Облачная демократия: основные идеи

Мы посвятили уже достаточно много времени критике современной представительной демократии, с разных сторон демонстрируя, что она является лишь приближением к идеалу – оптимальным с точки зрения ограничений реального мира, но все же очень грубым и дорогостоящим приближением. Делая это, мы постоянно намекали на то, что новые технологические условия позволяют спроектировать иную модель демократии, преодолевающую все издержки представительной демократии, которая так ушла в развитие своих институтов, что перестала быть народовластием.

Но что считать идеалом? Идеалом же мы полагаем такую систему, при которой каждый гражданин имеет все возможности для прямого участия в решении вопросов. В каком-то смысле можно говорить о возвращении к прямой демократии, но мы считаем, что полностью отбрасывать все наработки представительной демократии не стоит, тем более что технология позволяет нам совместить все лучшее, что было в теории и практике прямой и представительной демократии, в принципиально новой форме организации народовластия.

Ниже мы постепенно изложим в общих чертах предлагаемую нами модель, но сначала, в последнем теоретическом отступлении, четко зафиксируем те проблемы, которые мы собираемся решить, и наметим механизмы их решения, которые мы намерены задействовать.

Проблема 1. Устойчивость системы. В математике есть важное понятие

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
устойчивости, которое не равно покою. Устойчивая система – это та, которая возвращается к состоянию покоя после небольшого возмущения. Маленький шарик может покоиться как на вершине холма, так и в ложбинке, но лишь во втором случае его положение будет устойчивым, поскольку после отклонения от первоначального состояния он будет стремиться в него вернуться.

Мы уже писали о том, что XVIII-XIX века в американской демократии – это история о том, как честные люди с горящими глазами убеждали жителей выбрать именно их путь улучшения жизни. Большое американское счастье, что честных людей набралось достаточно. В течение первых ста лет развития представительной демократии в США не нашлось человека, который, став президентом, вывел бы все активы и сбежал, прихватив с собой всю казну, – а ведь в то время сделать это было технически гораздо проще, чем сейчас. Система была неустойчивой абсолютно, что показали, например, многочисленные попытки механического переноса американской модели демократии в другие страны (например, в государства Латинской Америки).

Обеспечение устойчивости к малым возмущениям с помощью системы сдержек, противовесов и взаимного контроля – самая дорогая и инфраструктурно сложная вещь в современной демократии. И тем не менее раз за разом, даже при очень продвинутом законодательстве, мы видим, как на почве абсолютно демократических конституций успешно вырастают все новые авторитарные режимы. Система выходит из равновесия и стремительно катится по наклонной.

Мы покажем, что в предлагаемой модели облачной демократии эти моменты могут быть обойдены. Она может быть устойчива по отношению к людям плохим и нечестным за счет целого ряда механизмов.

Устойчивость системы (как в математике, так и в политике!) может быть резко повышена за счет увеличения частоты замеров ее состояния, а облачная демократия позволит вообще перейти от дискретных измерений к постоянному наблюдению и контролю за системой в целом и за каждым из ее компонентов в режиме онлайн. Заметим, что в данном случае речь идет не о «Большом брате», внешнем наблюдателе, а о том, что контроль за ней на каждом уровне будет осуществляться изнутри, всеми задействованными в ней людьми.

Другая гарантия устойчивости системы – вовлеченность в нее максимального количества участников. До тех пор пока между властью и обществом существует очевидный разрыв, речь всегда будет идти об отношениях между правящим меньшинством и управляемым большинством. Единственный способ сделать власть авторитетной и гражданской – это создать условия для реального участия большинства граждан во власти. В предлагаемой нами системе каждый гражданин оказывается носителем неотчуждаемой власти, которую он в любой момент может прямо и непосредственно использовать, причем лично, а не через представителей.

Проблема 2. Компетентность избирателей. Один из самых табуированных вопросов в современной демократии – всеобщее избирательное право.

Мы уверены, что в облачной демократии его не будет, потому что всеобщее избирательное право, как мы уже обсуждали ранее, – это тоже грубая аппроксимация, технологическое несовершенство, которое возникло от невозможности решить, кому можно голосовать. Кто должен голосовать? Все. Почему все? Потому что так проще всего, потому что если мы, допустим, дадим право голоса только представителям белой расы, это будет расизм. И так при любом ограничении, поэтому проще сказать, что голосовать могут все и это – хорошо и прогрессивно. Но на самом деле это не так.

Голосовать могут и должны все, кому это, во-первых, нужно, и, во-вторых, те, кто может. Первое достигается за счет существующей сегодня возможности выбора: хочешь – приходи на участок, хочешь – не приходи. А второе на сегодняшний день считается совершенно недостижимым, потому что кажется слишком сложным в реализации. На самом деле, если вдуматься, ситуация абсурдная: значительная часть людей, которые голосуют на выборах президента, не знают основы конституционного строя РФ, хотя бы в части полномочий президента. Тем более большинство людей, которые голосуют на выборах в Госдуму, не знакомы с основами конституционного строя РФ в части полномочий Госдумы. Думается, что не меньше половины избирателей не знает, чем занимается нижняя палата двухпалатного Парламента.

Облачная демократия дает простое решение этой проблемы, используя аналог

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
механизма САРТСНА, который знаком каждому интернет-пользователю{8}. Смысл в том, что перед началом электронного голосования гражданин должен будет ответить на ряд простейших вопросов. Примеры этого уже существует в нашей жизни, мы к ним привыкли: «Да, я подтверждаю, что мне больше 18 лет». Примерно такой же механизм действует при заполнении визовых анкет, когда нужно дать ответы на простые вопросы: были ли вы судимы, ввозите ли вы наркотики, являетесь ли вы членом экстремистских организаций и так далее. Обычный человек отвечает «нет», практически не задумываясь. Но тем не менее он эти вопросы прочитывает и отвечает на них, понимая, что если он соврет, то ему потом откажут в получении визы.

Мы считаем, что заставлять людей голосовать не следует: если человек не хочет, зачем же его туда тащить? Если человека ставят в тупик элементарные вопросы, зачем ему голосовать? Если человек не понимает суть принимаемых в ходе выборов решений, то нужен ли его голос для их принятия?

Мы не ставим цели установить избирательный ценз в виде экзамена по конституционному праву. Мы предлагаем создать лишь символический фильтр, который к тому же возьмет на себя дополнительную роль повышения престижности выборов. Он позволяет очень быстро репозиционировать выборы от раздражающей и непонятной общественной нагрузки в почетное и красивое общественное право: я пришел, я сдал экзамен. И пусть этот фильтр пройдут 95%, а не пройдут только 5% избирателей, которые находятся в состоянии полной неадекватности к окружающей политической реальности. Тем не менее выборы становятся чем-то почетным и значимым, а их результат – гораздо более осмысленным.

Здесь мы опять возвращаемся к вопросу о том, как сделать жизнь людей лучше. Очень просто. Все современные опросы и переписи населения перечеркиваются человеческим фактором. Давайте посмотрим на социальные сети, где люди сами сообщают всю информацию о себе. Если люди сами указывают в социальных сетях, что у них есть дети, и мы видим, что в этом жилом массиве живут люди с детьми, из этого можно сделать совершенно очевидные выводы, не требующие дальнейших рассуждений: нужны детские садики, бассейны, спортивные площадки. Интернет позволяет получать гораздо больше информации от избирателей, чем раньше. А система современной демократии вообще никак это не учитывает! Для того чтобы узнать информацию о своих гражданах, государство проводит опросы, организует всероссийскую перепись населения – дорогостоящие и бессмысленные мероприятия. Между тем в условиях почетной обязанности избиратель сам сообщит о себе все. В день выборов, перед тем как голосовать, он вполне может ответить на вопросы о своем нынешнем состоянии: есть ли дети, работает ли он и так далее. И государство получает подробную картину того, что происходит в стране.

Проблема 3. Честность политиков. Гарантия честности возникает только в том случае, если будет создана система, совершенно открытая со всех сторон. Не может быть так, что где-то есть какой-то институт, который всех проверяет, но его проверить нельзя. Любой чиновник, который сидит и регулирует какие-то процессы, может и должен быть отозван, если его деятельность вызывает постоянное и массовое недовольство.

В невозможности отозвать уже избранного и наделенного властью человека кроется главная проблема представительной демократии сегодня.

Когда мы выбираем некоего человека президентом, сначала все идет хорошо, а потом начинается классический «Борис Годунов» – голод и смута. И когда избиратели задают ему вопрос: «Что же ты делаешь?», он отвечает: «Вы меня выбрали – терпите». Так было с Ельциным: сначала его выбрали, а потом он нравиться перестал, и это произошло довольно быстро. Но возмущенным людям так и отвечали: «Вы его выбрали, вот и терпите». Все якобы логично. Да, он обещал лечь на рельсы, если цены повысятся. Цены повысились, а он не лег на рельсы. Об этом помнили избиратели, но публично никто не вспоминал. Почему? Потому что у людей нет возможности контролировать деятельность государства на каждом этапе, во всех его коленцах, а значит, предвыборные обещания можно не исполнять: главное – избраться, а там хоть трава не расти.

Однако надо учитывать, что кроме механизмов контроля должен быть и механизм неотвратимого прекращения полномочий в крайних ситуациях. Потому что само по себе обнаружение сведений – это еще не решение проблемы, особенно в России.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Возьмем конкретный пример. Мы выбираем президента, который нам нравится. А он вдруг присылает губернатора, который нас не устраивает. Или не устраивает, как работает чиновник из социального ведомства, которого назначил губернатор. Как повлиять на эту ситуацию? Гражданин должен написать жалобу, чтобы она, по большому-большому кругу дошла до вышестоящей инстанции. Причем это еще не гарантирует, что меры будут приняты. Таким образом, право жаловаться или разоблачать не решает главной проблемы: пока суть да дело, человек, который нас не устраивает, продолжает править дальше.

При облачной демократии у людей появляется возможность дотянуться до любого чиновника одним прямым касанием. Если все функции электронного правительства будут собраны в одной интегрированной информационной системе, всегда доступной для гражданина, то первое же негативное столкновение с властью будет заканчиваться тем, что гражданин тут же сможет выразить свое отношение к этому. У власти не будет больше возможности прятаться за пустые лозунги каждый раз, когда мы ею недовольны.

Сегодняшний страх действий у власти возникает от неискренности. Если человек во власти убежден в своей правоте, он всегда сможет объяснить и доказать свою точку зрения людям. Более того, он просто обязан общаться с людьми, разъясняя им свою позицию. Благо современные технологии уже позволяют это делать без особых усилий. Уже сложилась безусловно положительная тенденция прихода чиновников в блоги, твиттер и т.д. – власть хочет объяснить людям, что она делает. Негативный аспект во всем этом тоже бросается в глаза: чиновники замечают то, что хотят видеть, а неприятные вопросы можно просто игнорировать.

О честности же возможно говорить только тогда, когда чиновник обязан отвечать на вопросы избирателей и технически не может игнорировать или просто закрывать неудобные вопросы и высказывания.

Например, конкретный депутат в своем блоге рассказывает своим избирателям, чем он занимается. Избиратели могут сказать ему: а вот у нас есть проблема, а вы ее не решили. Все остальные читают и видят, что депутата обвинили в том, что он что-то не сделал, а в ответ – тишина. Грубо говоря, если бы у Путина была такая всероссийская доска, где реальные люди могли бы написать «Владимир Владимирович, правда ли, что вы живете с Алиной Кабаевой?», то вся страна бы видела, что вопрос задан, как он на него ответит? Если скажет, что неправда, то тут же люди могут написать, что они сами видели его с Алиной Кабаевой. И если факты сообщает не аноним, а реально существующий человек, то это уже не сплетни, и шила в мешке не утаишь. Такая система устойчива к нечестности – она быстро выявляет и нечестность, и того, от кого она исходит. Она заставляет человека быть честным, потому что нечестным быть становится гораздо сложнее. Хотя, конечно, люди во власти не любят открытость, и это сделает нынешних политиков главными критиками наших предложений.

Проблема 4. Сложность процедур. Попытки сделать демократию более устойчивой и прозрачной, снабдить ее обратной связью приводят к громоздким процедурам, все менее доступным для рядового гражданина. Например, регистрация в качестве кандидата на выборах из-за многоступенчатого механизма, предназначенного как бы для защиты от недобросовестных кандидатов, становится недоступной простому человеку, не имеющему в своем распоряжении штата юристов (вместе с тем мошенники все равно как-то раз за разом успешно регистрируются).

Предлагаемая система облачной демократии будет очень простой в использовании, в ней не будет барьеров для пассивного или активного участия в политической жизни. И это не потребует каких-то уникальных технологических изобретений, речь идет лишь о системной интеграции уже сложившихся и широко применяемых технологий.

В настоящее время в Интернете в различных приложениях и социальных сервисах уже используются все те технологические компоненты, на которых будет построена облачная демократия в будущем. Однако это не значит, что мы призываем брать эти компоненты и слепо их копировать. Использование каждого из них должно быть очень осознанным, компоненты должны быть адаптированы к нуждам электронной демократии и правильно состыкованы друг с другом.

Подобная ситуация бывает почти всегда перед какой-либо технологической

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org революцией. Человечество научилось делать быстрые двигатели, легкие корпуса, компьютерные системы, и в конечном итоге получился космический корабль. В самом корабле никаких технологических инноваций нет, он просто вобрал в себя все предыдущие инновации. Так же и с облачной демократией. Например, в очень многих информационных средах есть устойчивое понятие – «личный кабинет». Это персональная страничка участника системы, через которую он управляет своими действиями, сообщает информацию о себе. Также «личный кабинет» помогает отслеживать все коммуникации пользователя системы, через него ведется все внешнее взаимодействие.

«Личный кабинет» гражданина в модели облачной демократии станет очень важным элементом, поскольку туда будет собираться информация о всех сделанных гражданином делегированиях, о всех голосованиях, в которых он будет участвовать, а также о голосованиях всех его представителей, которым он делегировал голос, и об инициативах выдвигаемых законопроектов. Безусловно, в «личном кабинете» будут отражаться подтвержденные факты о гражданине, которые должны публиковаться в рамках системы «принудительной честности» – системы раскрытия информации.

***

Итак, мы описали проблемы, которые должны исчезнуть с внедрением облачной демократии, и готовы перейти к подробному описанию ключевых технологий, применение которых обеспечит их решение. Этому посвящены три следующих главы, по одной на каждую из основных технологических идей.

Важно понимать, что каждая из этих идей существует и может эффективно применяться в широком спектре случаев вполне самостоятельно, они независимы друг от друга. Но особенно сильны они вместе. Каждая из этих идей – отдельный столп в основании здания идеально функционирующей облачной демократии. Ее потенциал раскроется только в том случае, если на некой технологической платформе в некой общегражданской государственной сети сетей все они будут реализованы одновременно.

Первая идея: живое измерение доверия к представителю. Этот механизм позволяет преодолеть существующее в нынешнем реальном мире ограничение времени, которое заключается в том, что избиратели могут выбирать своего представителя только через большие промежутки времени. Механизм подвижного доверия позволяет измерять уровень поддержки деятельности представителя постоянно. Главное следствие реализации такого механизма – изменение системы стимулов и мотивации политика; введение избирателей в заблуждение становится заведомо бессмысленным занятием.

Вторая идея: Матричное делегирование доверия. Еще одно несовершенство реального мира заключается в том, что никакой человек не может быть экспертом сразу по многим вопросам одновременно, это ограничение компетенции. Тем не менее в реальном, неэлектронном мире избирателю приходится иметь одного представителя по всем вопросам. В облачной демократии мы обходим это ограничение посредством матричного механизма делегирования. В этой ситуации по каждому вопросу на каждом уровне власти мы можем либо принимать решение самостоятельно, либо привлекать других людей, чтобы быть их представителем, либо делегировать собственные голоса. Облачная демократия не является ни прямой, ни представительной – она берет лучшие черты у обеих этих моделей.

Третья идея: Принудительная честность. Последнее ограничение реального мира, которое мы хотим обойти, – это ограничение достоверности. В реальном мире мы не можем заглянуть и увидеть то, что происходит у других людей в головах, соответственно, обмен идеями не может быть прозрачным. В нашей модели мы обходим этот механизм при помощи принудительной честности, которая подразумевает раскрытие информации на каждом следующем уровне политической активности в большей степени, чем на предыдущем.

Повторимся, что все эти механизмы – самоценны, но лучше всего их комбинировать между собой. В нашей идеальной модели облачной демократии избиратели выбирают себе представителей по каждому из важных для них вопросов, имея возможность также не делегировать свой голос никому. Выбирая представителей, избиратели имеют исчерпывающие сведения об их компетенциях по соответствующим вопросам и получают полную информацию о том, как представители реализуют их законные интересы. Основываясь на полной, открытой и общедоступной информации, избиратели поддерживают живую обратную

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
связь со своими представителями, что исключает всякий потенциальный смысл
для политика дезинформировать избирателей относительно своих намерений.

Глава 12. Принудительная честность

Даже сейчас и даже в развитых демократиях политик сам определяет степень своей честности и открытости для избирателя. Опять-таки потому, что порядочные люди полагают, что если человек идет в публичную политику – значит, ему нечего скрывать. Тем не менее существует масса лазеек для сокрытия от избирателей информации, которая способна влиять на их мнения.

Между тем сбор всех данных, относящихся к конкретному гражданину (не говоря уже о публичных фигурах), в наши дни далеко не является технологической новинкой. Уже сейчас все поисковые системы умеют собирать пресс-портреты, обрабатывая и сортируя сообщения в СМИ о той или иной персоне, и эти технологии постоянно совершенствуются. Таким образом, рано или поздно у публичной персоны просто не останется возможности что-то о себе скрывать. Речь не идет о том, что одни люди будут заставлять других людей быть честными. Более того, мы совершенно не призываем к этому. Мы просто констатируем неизбежность такой ситуации по мере дальнейшего развития современных технологий.

Но «принудительная честность» в том аспекте, о котором мы сейчас говорим, подразумевает не только пассивное принятие того факта, что вся информация о персоне рано или поздно где-то появится, но раскрытие определенной информации о человеке в обязательном порядке – для участия в каких-либо общественных процессах, а также для занятия каких-либо должностей.

***

Уже сейчас очевидно: любой человек, пользующийся дарами современной цивилизации, расплачивается за это отказом от части своей приватности – он оставляет информацию о себе во множестве баз данных, которые рано или поздно становятся доступными неопределенно широкому кругу пользователей. Желая активнее социализироваться, современный человек сам о себе рассказывает все или почти все в блогах, социальных и коммуникационных сетях. Например, человек регистрируется в системе FourSquare и сам, добровольно сообщает всем желающим, где именно он находится в каждый отдельный момент времени. Разве кто-то его заставляет? Нет, он сам легко и непринужденно отказывается от части своей приватности. И, надо сказать, чаще всего не жалеет об этом.

Также и со стороны государства развивается и стимулируется все большее раскрытие информации. Так, например, ведется общедоступный Единый государственный реестр юридических лиц, где можно найти интересующую информацию о вовлеченности в деловую деятельность любого человека по всем хозяйствующим субъектам. Другой пример, который у всех на слуху: развивается декларирование имущества и доходов не только госчиновников, но и членов их семей. Хочется надеяться, что в скором времени появятся и декларирование расходов госчиновников. Все эти данные переводятся в электронный вид, становятся доступными для поисковых систем. Развиваются интерфейсы открытых данных, которые делают возможными автоматизированную обработку информации, содержащейся во всех этих информационных ресурсах.

По мере развития социальных сетей, в которых все коммуникации между людьми становятся видны, все больше внимания уделяется прошлым высказываниям публичных персон. Что говорили нынешние политики 20 лет назад – этого не знает никто, это тайна, покрытая мраком. Между тем все, что говорили и говорят политики будущего в молодости, будут знать все, потому что они успеют «наследить» на просторах интернет-дневников, социальных сетей, форумов и т.д.

Анонимности как таковой не будет больше существовать – и не потому, что явится «Большой Брат», а потому что скрыть о себе всю информацию можно будет только в том случае, если она никем не будет востребована.

Если говорить откровеннее, то анонимность превратится в удел специфических сообществ, сайтов и форумов, для которых она является принципиальным условием. Однако в государственных электронных системах анонимность неизбежно будет утрачена, поскольку существование таких систем будет бессмысленно без ответственности человека за свои слова, без возможности

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
однозначной идентификации личности. Точно так же сейчас происходит отказ от анонимности в деловой среде: анонимности не осталось, все обзавелись электронной подписью, идентификация не составляет труда. И это логично, поскольку контрагент, с которым предприятие обменивается договорами и деньгами, должен быть хорошо известен.

То же самое произойдет, когда люди начнут принимать в электронных системах совместные решения об управлении городом, регионом, государством. В условиях «принудительной честности» и вытекающей из нее «принудительной неанонимности» люди с сомнительным прошлым не будут рассматривать для себя в качестве опции приход во власть. Мы считаем, что общество от этого только выиграет.

Естественно, что с нарастанием описываемых тенденций обществу придется как-то регулировать степени открытости для разных лиц. Уровни «принудительной честности» могут и даже должны варьироваться в зависимости от того, на какой объем власти претендует человек: если он хочет возглавить исполнительную власть в городе, то он должен показать, что у него нет конфликта интересов, что его фирмы не ведут хозяйственной деятельности в этом городе. Если человек хочет проявить себя на региональном уровне, то он должен раскрыть больше информации о себе, на федеральном уровне, соответственно, – еще больше.

Важно также, что строгая аутентификация гражданина в системе облачной демократии является необходимым и достаточным условием, обеспечивающим возможность проведения юридически значимых электронных голосований. Существующие криптографические протоколы позволяют сделать следующее: добиться, чтобы, с одной стороны, нельзя было отследить, кто как голосует, и, с другой стороны, обеспечить возможность для каждого избирателя контролировать судьбу и правильность учета каждого поданного им лично голоса и каждого сделанного им делегирования.

Кроме того, принудительная неанонимность и честность помогут реализовать важный принцип симметрии общественной активности: критикуешь – предлагай, критикуешь – покажи, на что ты способен, выдвини свои идеи. Сейчас распространена следующая ситуация: выступает в интернете некий общественный деятель, чиновник, а в ответ получает 99% анонимных оскорблений на 1% конструктивных предложений. Так происходит потому, что положение несимметрично: тот, кто оскорбляет, знает о своем контрагенте многое, а тот, напротив, не знает ничего. Будет хорошо, если подобных ситуаций удастся избежать в дальнейшем. Хотя, конечно, всеобщая прозрачность должна гарантировать и авторам критических замечаний защиту от возможной мести. Собственно, публичность всех коммуникаций между гражданами должна стать главной защитой от коррупции и произвола.

Между тем пространство секретности сокращается не только вокруг публичных персон, но и вокруг целых государств и всей системы международных отношений. Ситуация с публикацией секретных документов на портале WikiLeaks выводит нас на новый уровень мировой политики. Фактически в прошлое могут уйти секретные сговоры и закулисные переговоры. В условиях постоянно совершенствующих средств записи, обработки и хранения информации сделать что-то по-настоящему секретным становится невозможным. Достаточно иметь с собой элементарный телефон – и с его помощью в считанные минуты можно обнародовать фотографии, видео и аудиозаписи, разместив их в социальных сетях или где-то еще. За считанные секунды новость облетает мир и тайна становится анекдотом.

Следующий этап – прозрачность международных отношений и честность в обсуждении острых проблем. Если людям что-то не нравится в политике, в том числе и в международной, они уже сейчас имеют возможность заявлять об этом напрямую, лично, со страниц своих сайтов и блогов. И потому неизбежно продолжение – сцепление общественного мнения с механизмом принятия решений на всех уровнях. До него, возможно, осталось совсем немного. Это будет выход на новый уровень существования человечества, где каждый голос имеет значение и участвует в принятии решений, касающихся всех.

Так наступает эра всеобщей и принудительной честности. Все это может не нравиться и раздражать, но, с другой стороны, может быть, это просто серьезный повод не делать ничего такого, за что может быть стыдно? В условиях либерализации общественного мнения в личной жизни человека остается все меньше такого, что могло бы стать компроматом, – фактически

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
круг порицаемых обществом моделей поведения в развитых странах Запада (конечно, кроме уголовных преступлений) свелся к недлинному списку довольно экстравагантных и специфических действий (педофилия, бытовое насилие, жестокость к животным и т.д.). Таким образом, сужаются возможности для использования личностного компромата в политике.

Реальным компроматом остаются только уголовно наказуемые деяния, а потому всеобщая прозрачность – хороший заслон для преступников, а не для нормальных людей, которые в большинстве своем и не делают ничего такого, что стоило бы как-то особенно скрывать.

Оглядываясь вокруг, следует признать, что общество едва ли понимает, куда оно идет. Но каждая новая страничка в социальной сети, каждый новый блог – это еще один шаг в сторону всеобщей открытости.

Важно понимать, что открытость и честность в общении с окружающим миром – это выгодная стратегия.

Позволим себе курьезную аналогию с сайтами знакомств. Первое время, когда они только появились, пользователей Интернета было относительно немного, и все они были из однородной и понятной тусовки. Таким образом, любой пользователь понимал, что, кем бы ни был его собеседник, это в любом случае человек понятного ему круга – IT-специалист, бухгалтер, бизнесмен или журналист. Все остальные просто не имели доступа к Интернету и не знали о его возможностях. Осознание узости круга потенциальных участников создавало некоторую атмосферу взаимного доверия. Но чем больше людей получало доступ к Интернету, тем сложнее было понять, кем может быть собеседник. В последние годы собеседником может оказаться кто угодно, потому что количество участников этой коммуникационной игры стало необъятным – и идея убила саму себя. Рассуждая чисто математически, шансов познакомиться с кем-то интересным стало столько же, сколько имел человек, наугад набирая первый попавшийся телефонный номер. Парадоксальным образом альтернативой специализированным сайтам знакомств стали социальные сети. Вместо хаотичного карнавала, где любой может оказаться любым, социальные сети показывают (за понятным исключением) реальное лицо реального человека, а также его биографию, социальный статус, круг общения. Даже если что-то является неправдой – это легко проверяется. Таким образом, познакомиться в Интернете можно, но самый эффективный способ – честно написать на своей страничке в социальной сети, кто ты такой и кого для чего ищешь. Издержки тут тоже понятны: готов ли человек честно сообщить о своих сексуальных пристрастиях на общедоступной страничке в социальной сети?

Возвращаясь к истории демократии, мы обнаруживаем схожее явление: сначала политикой занимался узкий круг лиц, в котором все знали всех – если не лично, то через небольшую цепочку общих знакомых. Это демократия античных полисов и небольших общин. На следующем этапе в игру вступали более широкие круги общества, но в абсолютном исчислении это все равно был небольшой процент населения. Разбирая демократии XVIII–XIX веков, мы сталкиваемся как раз с ситуацией сайтов знакомств на их начальном этапе: даже если лично вы не знаете этого человека, он все равно как минимум джентльмен с определенным уровнем достатка и прочими необходимыми качествами. Иначе бы он просто не оказался на избирательном участке, не говоря уже об избирательном бюллетене.

Но вот в ситуации всеобщего избирательного права смысл процесса оказался утерянным: миллионы людей выбирают десятки тысяч представителей, которые в итоге могут оказаться кем угодно, потому что никто никого толком не знает и узнать не может, и только постоянно случающиеся скандалы открывают изумленному обществу отвратительную изнанку политической системы. Если добавить сюда практическую невозможность быстро и эффективно отозвать замеченного в нечистоплотности деятеля, хаос становится полным, а разочарование в представительной демократии – общим местом.

Какая бы жесткая вертикаль власти ни создавалась, она будет неустойчивой без горизонтальных связей на всех уровнях. Устойчивым может быть только общество, где вертикаль власти, вертикаль отправляющих различные полномочия лиц погружена в многоуровневые горизонтальные связи. Но при такой структуре со временем неизбежно остается одна на всех сеть, где вертикаль или вовсе исчезает, или становится символической, а у каждого человека появляется возможность получить какую-то информацию о каждом, с кем его сталкивает жизнь.

Таким образом, мы говорим не о каком-то введении принудительной честности «сверху», мы говорим о признании того факта, что в условиях сетевого общества, которое формируется на наших глазах, она возникает как побочный эффект. Более того, в действительности она есть уже сейчас, просто пока информация очень разбросана и сохраняются возможности для манипулирования ею.

Глава 13. Подвижность выбора

В классическом рассказе Роберта Шекли «Билет на планету Транай» описывается вымышленный мир, в котором почему-то никто не хочет брать на себя властные полномочия. Землянина, который через много звезд прилетел на эту планету, все население буквально упрашивает стать их президентом. Землянин почти соглашается, но, к счастью, в последний момент понимает, что делать этого не следует, потому что успеваешь познакомиться с системой власти на этой планете. Оказывается, в столице планеты Транай есть специальный зал, в котором размещены таблички с именами всех чиновников, и около каждой таблички находится кнопка. Чиновники же носят на шее специальный медальон с небольшим запасом взрывчатого вещества. Любой желающий может зайти в зал – он никак не охраняется – и просто нажать на кнопку напротив соответствующей таблички. Тем самым он выражает недоверие чиновнику и несогласие с его действиями. А у чиновника в момент нажатия кнопки срабатывает медальон, и голова отделяется от туловища.

Эта прекрасная и утопичная система понуждает госслужащих к абсолютной честности. Конечно, она нереализуема в реальной жизни хотя бы потому, что тогда, как и на планете Транай, работать в госаппарате никто не будет. Однако предлагаемая нами модель облачной демократии позволяет, как ни странно, воплощать в жизнь аналогичные механизмы, только, конечно, без человеческих жертв.

Мы уже говорили о фундаментальной проблеме представительной демократии: выборы происходят довольно редко и являются лишь грубой аппроксимацией реального мнения избирателей, того, как они видят будущее города, региона, страны. Однако дороговизна процедуры плебисцита – выяснения мнения избирателей – заставляет проводить голосования через значительные интервалы времени. Такая система, как уже было сказано, способствует нечестности политика: можно много наобещать, зная, что, очутившись у власти на несколько лет, сможешь делать что угодно.

Более того, существующая система даже способствует тому, чтобы политики были нечестными. Избирательная кампания, которая проходит раз в пять лет, стоит очень дорого, человек вкладывается в нее по максимуму, а потом старается отбить затраченные средства. Надо ли говорить, что вся эта закулисная возня никак не касается интересов избирателей, более того, чаще всего прямо им противоречит?

Система замещения исполнительных должностей, основанная на принципе «подвижной демократии»^{9}, позволяет уйти от неточности аппроксимации. Представим себе, что у нас так же раз в несколько лет проходят регулярные выборы главы города, региона, страны. Допустим, что на этих выборах так же установлена планка в 50% голосов: именно столько нужно набрать кандидату, чтобы получить назначение. Мы фиксируем тех избирателей, которые через нашу систему электронного голосования доверили ему эту должность, а потом даем этим же избирателям возможность в любой момент изменить свое мнение.

Теперь представим себе, что горожане избрали мэра, и тот (по привычке) принялся делать нечто противоположное тому, что он обещал. Раз сделал не то, два сделал не то... Терпение у избирателей постепенно кончается. И по истечении определенного времени избиратель заходит в свой «личный кабинет», в свою систему голосования, благо она ему всегда доступна, и отзывает свой голос. Один избиратель отозвал голос, потом второй, третий, и вот уже поддержка мэра меньше 50%. Мэр автоматически теряет должность, назначаются новые выборы! Специально заметим, что технологически это всего лишь привычные всем нам «лайки» в социальных сетях. С той лишь разницей, что кроме эмоционального удовлетворения от выражения своего недовольства избиратель получает и реальный эффект: мэр-обманщик лишился должности безо всяких дополнительных церемоний, а просто потому, что люди перестали ему доверять.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Эту базовую модель можно уточнять. Практически любой политик теряет популярность сразу после своего избрания (ведь грамотная, победная политическая кампания выводит политика на пик рейтинга именно ко дню голосования, подобно тому как план тренировок профессионального спортсмена должен обеспечить ему нахождение на пике формы к самому ответственному матчу). Конечно, избранный политик должен иметь право и на то, чтобы проводить непопулярные меры (особенно если он их обещал в ходе своей предвыборной кампании), помогающие решать долгосрочные задачи. Поэтому на практике должен устанавливаться некий «порог чувствительности»: скажем, мандат будет отзываться только при падении уровня поддержки ниже 25%. Но это уже технические детали, которые можно и нужно обсуждать.

Главное здесь вот что: систему необходимо развернуть таким образом, чтобы она стимулировала должностных лиц выполнять данные обещания и удовлетворять ожидания избирателей. Кстати, не исключена и обратная ситуация: должностное лицо чувствует изменения в обществе, начинает делать то, что не нравится его прежним избирателям, но при этом его действия начинают нравиться другим избирателям. В этом случае у него появляются новые голоса, и он будет продолжать занимать свою должность. В предлагаемой нами системе такая ситуация тоже вероятна, ведь должностное лицо будет вынуждено следить за реальными настроениями в обществе и ориентироваться на большинство.

В основе механизма подвижного выбора – крайне низкая себестоимость процедур электронной демократии. Она стала возможной лишь в самые последние годы, после интернет-бума. Поэтому-то только сейчас, через три тысячи лет после зарождения демократии в Древней Греции, мы можем наконец победить «ограничение времени». Именно это ограничение заставляло избирателей и представителей власти несколько лет смотреть на одну и ту же мутную картинку вместо полноцветной, насыщенной трансляции, в которой отражается мнение каждого участника политической жизни, причем в динамике.

Глава 14. Делегирование и экспертные группы

Сегодня в социальных сетях есть интересная возможность: один пользователь может «зафолловить» другого. Этот термин произошел от английского глагола to follow – «следовать». Для примера можно взять хостинг микроблогов Twitter: пользователь что-то пишет, и у него появляются «фолловеры», или последователи. Это люди, которые читают всего его записи, потому что он им по тем или иным причинам интересен. Аналогичные механизмы есть и в ЖЖ, и в Facebook, и в иных социальных сетях. Практика показывает, что наибольшее количество последователей оказывается у тех людей, которые являются лидерами общественного мнения. В российском Twitter это люди самого разного спектра: от Дмитрия Медведева до Алексея Навального, у которых десятки тысяч последователей. В мире есть и участники соцсетей, которых читают миллионы. Так происходит потому, что одни люди интересуют окружающих гораздо сильнее, чем другие. Иногда из-за популярности в других сферах (например, того же Дмитрия Медведева читают все-таки потому, что он прежде всего президент, а уж потом блогер). А иногда из-за востребованности публикуемого ими контента или согласия с их позицией (Алексей Навальный является здесь наилучшим примером человека, ставшего популярным именно в Интернете и исключительно благодаря публикуемому материалу).

Теперь представьте себе, что гражданин, участник нашей системы облачной демократии, не хочет пользоваться своим правом участия в обсуждении и голосовании по каждому вопросу повестки дня. Тем более что в нашем сложном мире таких вопросов ежедневно возникают тысячи в самых разных сферах. Многие из этих вопросов слишком сложны для него, да и времени на все не хватает. В подобной ситуации он может кого-то «зафолловить» или, чтобы больше не пользоваться этим неблагозвучным термином, делегировать кому-то свой голос.

Самый простой пример: вы ознакомились с политической программой некоего Иванова, вам нравится все, что он делает, и вы ему доверяете. При этом сами вы особо в политике не разбираетесь, поэтому делегируете свой голос Иванову и доверяете ему все решения. Теперь Иванов распоряжается двумя голосами. Потом тремя, потом тысячу, потом десятку тысячами голосов.

В нашей системе интернет-голосования, куда мы размещаем законопроекты, на нашем виртуальном вече в день появляются тысячи решений, и никто не в состоянии их прочитать. Однако сегодня ведь Госдума – предположительно! – как-то эту проблему решает. Ожидается, что там работают профессиональные

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
политики, которые могут во всем разобратся. Теперь представим себе такого политика: Иванова или Жириновского, который говорит: «По таким-то вопросам я буду голосовать следующим образом, вы мне делегируете свое доверие, и ваш голос переходит ко мне». Можно ли это назвать представительной демократией? Не совсем. Это такое замечательное сочетание лучших сторон представительной и прямой демократии. В этой ситуации возможны следующие варианты.

Например, многие делегировали свой голос все тому же Иванову, и теперь он может голосовать тысячами голосов. Благодаря этому он стал оказывать серьезное влияние на принятие ключевых решений. Вокруг Иванова бегают журналисты, политики, лоббисты. Он принимает участие в электронных голосованиях, все это протоколируется, и вы можете смотреть, как Иванов проголосовал по каждому из вопросов. Соответственно, через некоторое время, если вам не понравится позиция Иванова, вы можете отозвать у него свой голос и выбрать кого-то другого, причем сразу же, онлайн. Иными словами, не получится так, что депутат выбирается один раз в четыре года и больше никто не имеет возможности его контролировать. Нет, сегодня вы доверите свой голос Иванову, посмотрите результаты сегодняшних голосований или голосований прошедшего месяца, поймете, что он не так хорошо выражает вашу точку зрения, как вам бы хотелось, и в конечном итоге заберете у него свой голос. Потом этот голос можно либо отдать кому-то другому, либо оставить за собой – при условии, что теперь вы самостоятельно будете вникать во все тонкости политических вопросов.

Что в этой ситуации делать Иванову? Как мы уже говорили, проблема сегодняшней представительной демократии в том, что депутат провел предвыборную кампанию, наобещал, избрался, а потом на протяжении четырех лет владеет собственным голосом, и никто ему уже ничего не может сделать. То, что он наобещал, становится уже неважно: он потратил на избирательную кампанию деньги, которые теперь неплохо бы отбить. В предлагаемой системе эта ситуация исключена. Человек избрался, пишет в блогах заманчивые и актуальные статьи на тему «Я против увеличения пенсионного возраста» или «Я за бесплатное образование и медицину». На волне популярности у него может быть миллион последователей, то есть фактически он голосует сразу миллионом голосов. Потом он участвует во всех государственных голосованиях, и его избиратели видят, что говорил он одно, а голосовал по-другому. Естественно, политическая жизнь обретет новые формы, и отслеживание того, совпадают ли обещания с реальными делами, будет едва ли не самым популярным видом социальной активности. Итог очевиден: на следующий день после того, как он таким образом (весьма привычно для нынешнего депутата) политически спроституировал, у него остается только 3 последователя, и те – члены его семьи. Только что он был лидером общественного мнения, и его голос был практически решающим при принятии решений, однако он проголосовал не так, как хотели его избиратели, и все ушло. А избиратели голосуют дальше своим умом. Или кто-то из них понял, что ни Иванов, ни Петров, ни Сидоров не выражает его волю, и сам написал пост в блоге со своим мнением по тому или иному вопросу. Этот пост людям понравился, и они доверили ему выражать свои интересы – по всем вопросам или в какой-то одной сфере.

Так идея делегирования работает в связке с идеей подвижной демократии. Но это еще не все. Главное в делегировании – это возможность «разбивать» его в зависимости от сути выносимых на голосование вопросов. В случае если она реализуется, неизбежно возникают экспертные механизмы принятия решений.

Очевидная, казалось бы, мысль: довольно опрометчиво доверять одному и тому же человеку решение всех вопросов только потому, что он популярен в какой-то сфере. Между тем представительная демократия склоняет нас именно к этому: депутатами становятся известные люди – спортсмены, музыканты или врачи, а потом им предлагается принимать решения по вопросам экономики, юриспруденции и внешней политики.

В современной России это явление стало типичным: в законодательные органы разных уровней избираются звезды спорта и шоу-бизнеса: Анастасия Волочкова, Алина Кабаева, Сергей Чепиков. Они – лидеры общественного мнения. Вполне логично доверить Сергею Чепикову судить о спорте, потому что он хороший спортсмен и понимает, что нужно делать для развития массового спорта. Однако странно доверять тому же Чепикову судить о здравоохранении, космической программе или бюджете Свердловской области, поскольку у него нет какого-либо специализированного образования, и совершенно непонятно, почему он сможет быть хорошим представителем интересов граждан по этим темам. Логичнее было бы спрашивать о спорте у спортсменов, о юриспруденции

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
у юристов, а об образовании – у преподавателей.

Но этого разделения нет в современной представительной демократии, отчего она очень сильно страдает. В предлагаемой нами облачной демократии именно это становится возможным.

Представим себе, что весь круг вопросов разбивается условно на 50 тем, и у человека появляется настроечная матрица: по этим вопросам я делегирую свой голос тому, по иным – другому, по каким-то вообще не делегирую голос никому, хочу оставить решение вопроса за собой, а по каким-то вопросам еще и хочу, чтобы мне другие люди делегировали голоса!

Например, некий гражданин является специалистом в информационных технологиях и хочет, чтоб его мнение учитывалось при принятии решений в сфере ИТ. В политике, экономике, пенсионном обеспечении, медицине он не эксперт, соответственно, охотно отдает право принимать решения этих сферах знающим людям. Но вот по ИТ-вопросам он активно пишет статьи и добивается, чтоб люди доверили принимать решения ему. Его резюме, с которым любой может ознакомиться, свидетельствует о компетентности в данной сфере и усиливает доверие к высказываемым мнениям.

Может сложиться такая ситуация, что из тысячи вопросов, которые поступят за день на рассмотрение электронному вече, 999 вопросов гражданин даже не обязан будет просматривать, потому что его представители проголосуют за него и от его имени. Но вот по тысячному вопросу он проголосует сам: сеть оповещает, когда выпадает вопрос из выбранной предметной области. Человек голосует сам, и, более того, в силу его авторитета в конкретной области его голос может оказаться решающим.

В России 140 миллионов человек, и наш воображаемый гражданин – простой избиратель, но конкретно по вопросам ИТ он очень авторитетен и смог завоевать доверие, так что по какому-то голосованию он может голосовать от имени 30 миллионов доверителей. Это значит, что ни один вопрос в сфере ИТ без него, по сути дела, не решится: у него чуть ли не контрольный пакет, он сам себе парламентская партия. Его точку зрения, конечно, возможно перебороть, но для этого необходимо будет консолидировать огромное число разных людей. Но, обращаем внимание, все это по одному конкретному вопросу. В другом голосовании, например по вопросу рыболовных квот, голос нашего воображаемого специалиста по ИТ – лишь один из миллионов, доверенных кому-то еще – тому, кто более компетентен в вопросах использования водных ресурсов, ну, или создал себе такую репутацию.

Может быть также градация по важности обсуждаемых вопросов. В этом случае определяется список наиболее важных вопросов, например, изменения в Конституции. В этом случае у себя в интерфейсе человек ставит галочку, что он доверяет депутату Иванову по всем вопросам, кроме важнейших. Тогда в 99,5% случаев голосует Иванов, но по самым значимым вопросам человек голосует сам. При этом политик может выступать и предлагать свою точку зрения, но решение люди принимают сами. Это тоже прямая демократия. В этом случае, кстати, воплощается древнегреческий подход к демократии, когда старейшины совещаются о незначительном, а граждане о наиболее важном. Или гражданин оставляет за собой определенную тему: например, вопросы войны и мира. Может получиться, что вопросы спорта решают 10–15 депутатов, известных спортсменов, каждый из которых аккумулировал по несколько миллионов последователей, а вопросы войны и мира автоматически превращаются в общенациональные референдумы, где каждый участвует только со своим единственным голосом. Прямая и представительная демократия – одновременно!

Деление возможно еще и по уровням: государственная власть, региональная власть, местное самоуправление (муниципалитеты), территориальное общественное самоуправление (микрорайоны, кварталы, ТСЖ). Вопросы бывают разных уровней. Скажем, в моем подъезде живет профессор экономики, умнейший человек, и я хочу, чтобы он был моим представителем по экономическим вопросам. Но, честно говоря, когда заходит речь об уборке мусора во дворах, я лучше сам возьму метлу, чем доверю ему. Иными словами, я делегирую ему доверие на федеральном уровне, а не на местном.

В Германии Бундестаг избирается только по партийным спискам, 100% депутатов – партийные. В местных выборах участвуют как кандидаты от партий, так и независимые кандидаты. В муниципальных советах в итоге 44% депутатов – беспартийные самовыдвиженцы, при этом выборы проходят в один день. В России

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org такое представить нельзя. Немецкий избиратель более грамотный, он понимает, что на федеральных выборах он проголосует за список CDU/CSU, а на местном уровне он лучше поддержит Ганса из соседнего подъезда, поскольку он его хорошо знает, и в родном городке тот наведет порядок. Поскольку вопросы на федеральном и региональном уровнях решаются разные, то следует их в сознании разводить. Поэтому в предлагаемой системе электронного делегирования доверия человек может передать его полностью другому человеку или партии, также он может делегировать доверие по тому или иному кругу или уровню вопросов.

Заметим кстати, что подобные вещи происходят в системе местного самоуправления и сейчас, правда, на неформальном уровне. Скажем, в городской Думе любого крупного муниципалитета обязательно есть представители сферы здравоохранения (обычно, главврачи больниц), и большинство прислушивается к ним (вне зависимости от партийной принадлежности), когда речь идет о тех или иных вопросах из этой сферы. Конечно, если тем удастся завоевать доверие и признание коллег, наработать авторитет, показав, что, рассматривая те или иные вопросы, они не руководствуются политическими пристрастиями, а действительно вкладывают свой профессиональный опыт и делают так, как лучше.

Мы предлагаем систему, когда осознанное голосование по понятным вопросам и делегирование прав голосовать по непонятным вопросам другим людям становится абсолютно реальным, контролируемым и прозрачным.

Вы простой избиратель, отдавший свой голос по большинству вопросов своим представителям, но и в вашем кармане на сегодня 50 тысяч голосов по вопросам информационных технологий в федеральном масштабе и 10 тысяч голосов по дорожному строительству на уровне муниципальном. И этот факт уже создает вам вес. Если какая-либо группа интересантов или политическая партия пытается провести какое-либо решение в сфере IT, то им придется вас убедить, потому что за вами еще 50 тысяч голосов. При этом вся эта система находится в живой динамике, потому что по каждому вопросу видно, кто и как проголосовал или участвовал в обсуждении. Избиратель может с любой частотой менять свои пристрастия, хоть каждый час, а может делегировать свой голос один раз на четыре года. Все будет зависеть от личной заинтересованности. Происходит перетекание электората. При этом каждый человек получает подписку и может отслеживать, как голосовал его кандидат.

Политическая борьба при этом ведется так же, как и в нынешних условиях, и даже интенсивней. Люди высказывают свое мнение, предлагают свои пути решения вопросов, профессиональные политики завоевывают таким образом популярность среди последователей и стараются набрать их как можно больше. Однако предлагаемая система исключает политическую проституцию, поскольку продать свой голос не получится, а если и получится, то только один раз и на короткий период. При такой системе профессионалы в своей области смогут внести огромный вклад в политику страны. Предлагаемая нами схема позволяет выстроить систему таким образом, чтобы специалисты, которые заинтересованы в том, чтобы их знания использовались обществом при управлении страной, имели такую возможность.

Естественно, профессиональная политика требует много затрат и сил. Очевидно, что если человек хочет заниматься политикой на государственном уровне, то он должен постоянно писать статьи, отвечать на вопросы, быть очень публичной персоной. Также он должен реагировать на пожелания избирателей, много времени тратить на то, чтобы читать законы, голосовать за них, предлагать свои решения по вопросам.

Но ведь и сегодня в Госдуме 450 депутатов, на которых тратятся огромные деньги! А теперь давайте половину этих денег сэкономим, а половину будем тратить так же, как и сейчас, то есть мы будем давать деньги только тем четверемстам пятидесяти депутатам, у кого будет наибольшее число делегированных голосов, чтобы можно было заниматься этим профессионально. Но, как только депутат потерял последователей, так сразу, с этого же дня, никаких денег ему уже выделяться не будет, а будут выделяться тому, кто этих последователей набрал. То же самое – на региональном уровне (вместо областных Дум), на муниципальном (вместо городских Дум). Без всяких дополнительных расходов политическая борьба приобретает вполне понятный смысл, то есть у человека есть еще и денежный стимул, а в результате получается честная работа.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
Итак, описанная система сочетает в себе лучшие черты прямой и представительной демократии. У человека всегда есть возможность отказаться от любого делегирования и голосовать по всем вопросам самостоятельно, и в этом смысле это прямая демократия. Кроме того, у избирателя есть возможность по каждому из вопросов выбрать лучшего представителя, которому он доверяет, но которого будет полностью контролировать. В таком случае политическая нечестность становится практически бессмысленной. При этом профессиональная политика тоже продолжает существовать и нормально финансироваться. Быть хорошим законодателем, публицистом, идеологом по-прежнему будет почетно, однако необходимо будет, чтобы твои идеи завоевали популярность в обществе и оставались востребованными. Потому что обратная связь, интерактивность – краеугольный камень облачной демократии и ее главное отличие от всех других форм народовластия.

Глава 15. Прочие технологические аспекты

Время, когда облачная демократия будет работать на практике и войдет в повседневную жизнь людей, относится пусть к недалекому, но будущему. Сейчас еще трудно останавливаться на деталях и давать развернутые ответы на все возникающие вопросы. Мы отдаем себе отчет в том, что наше скромное сочинение станет лишь одной из ступенек, которая ведет человечество к новому образу жизни и самоуправления. Мы можем ошибаться и, скорее всего, во многом ошибаемся, но наша цель – призвать всех, кому наши мысли покажутся хоть в чем-то интересными, серьезно задуматься над тем, как можно воплотить эту концепцию в жизнь.

В этой главе мы сформулируем некоторые неформальные определения, которыми пользуемся на страницах этой книги, и поделимся идеями относительно практического функционирования облачной демократии.

Сетевое общество – общество, где абсолютное большинство людей пользуется Интернетом как важнейшим каналом коммуникаций всех уровней. По нашему мнению, перевод всех коммуникаций в Интернет произойдет исключительно из практических соображений и только потому, что большинство будет хотеть этого. Возможность получения всех государственных услуг через глобальную сеть неизбежно поставит вопрос о том, что медленные и архаичные способы формирования власти не соответствуют требованиям общества, живущего в совершенно ином ритме.

Облачная демократия – форма политического самоуправления граждан в масштабах государств (а в перспективе – и в общепланетарном масштабе), которая строится на повсеместном использовании облачных интернет-технологий. Форма демократии, которая естественно и логично возникнет с развитием сетевого общества. Поясним на примере. Если все шлют друг другу информацию по широкополосному Интернету, что может быть глупее бумажного бюллетеня, который выдается в специальном месте после предъявления бумажного паспорта и засовывается в сложное электронное устройство, считающее с него информацию, чтоб перевести ее в цифровой вид и по тем же широкополосным каналам отправить в избирательную комиссию? Между тем пока что выборы в России выглядят именно так.

Государственная сеть – нерв и главный инструмент облачной демократии, «сеть сетей», общественная, публичная защитная сеть, совмещающая в себе функции социальной сети, интернет-банка, системы электронного голосования и системы поддержки принятия решения, а также доступа ко всем государственным информационным ресурсам и базам данных. Доступ других граждан к информации «личного кабинета» гражданина возможен с определенными ограничениями, которые зависят от степени вовлеченности этого гражданина в политическую активность. Общий принцип таков: чем выше уровень активности, тем выше уровень публичности его личной информации. Подлежит раскрытию информация по тем вопросам, по которым гражданин начинает собирать делегированные голоса. Государственная сеть неанонимна, симметрична и реализует принцип принудительной честности.

Экспертные советы – виртуальные органы, состоящие из самых авторитетных граждан. По итогам делегирования первые 500 или 1000 граждан составляют государственный совет, первые 300 (цифра условна) наиболее авторитетных по объему делегирования жителей региона автоматически формируют региональные советы, первые 100 самых авторитетных жителей города – муниципальные советы. Все топы подвижны в реальное время, и человек становится членом совета (если, конечно, дает согласие) в тот момент, когда попадает в

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
установленное число, и автоматически покидает совет, как только выходит из топа. Оплата его участия идет по времени фактического пребывания депутатом. Таким образом, изменения в структуре законодательных и контрольных органов становятся постоянными и напрямую зависящими от воли избирателей.

Правительство – орган, чей персональный состав утверждается советом соответствующего уровня на определенный срок. В случае демонстрации гражданами недоверия какому-либо члену правительства он автоматически лишается своих полномочий, как только уровень недоверия к нему достигает оговоренных показателей.

Партии. Партии обретают новую жизнь, фактически становясь сообществами по интересам и теми площадками, где единомышленники могут выбрать из своей среды кого-то, кому они готовы делегировать свои голоса по какому-то кругу вопросов. Практически партия становится чистой идеологией или программой, которую поддерживают люди. Никаких бюрократических структур не создается, партии возникают и исчезают по ходу судьбоносных дискуссий, которые идут в обществе.

Топ – вершина списка всех граждан (страны, региона, муниципалитета), расположенных в порядке убывания количества делегированных им голосов. Положение в топе определяется количеством делегирований. На основании этой объективной статистики гражданин получает приглашение стать членом одного из советов, в котором он может находиться исходя из количества делегирований.

Полное делегирование – гражданин доверяет другому гражданину голосовать от его имени и его голосом по любым вопросам. Важно гарантировать, что в любой момент любой человек может отозвать свой голос.

Частичное делегирование – гражданин доверяет другому гражданину голосовать по определенному кругу вопросов (помечая галочками те пункты, по которым он возможность голосовать оставляет за собой, если не делегирует это голосование другим людям).

Эксперт – гражданин, который обнаруживает круг вопросов, в которых он считает себя экспертом, и начинает вести публичную деятельность в рамках системы, для того чтобы привлечь максимальное количество частично делегированных голосов по этим вопросам. Предположим, некто считает себя экспертом по вопросам налога на недвижимость. Он активно участвует во всех возможных дискуссиях на эту тему на различных площадках, публикует свои мнения. Если его позиция кому-то нравится, ему доверяют голоса по этому вопросу. Когда необходимо подготовить какое-то либо решение по узкому вопросу, создается комиссия из нескольких наиболее авторитетных экспертов в данной области. Фактически эксперт – это человек, который нацелен на профессиональную политическую деятельность и осознанно набирает сторонников, чтобы в итоге оказаться в каком-то топе или получить приглашение на работу в исполнительный орган.

Общий объем делегирований – полных или частичных – учитывается в общегражданском топе, на основании которого формируются органы власти.

Сбор голосов. Существует возможность собирать голоса на всех площадках – открытых и анонимных. На анонимных площадках человек может собирать экспертные голоса. Например, в закрытой анонимной тусовке кто-то может собрать достаточно голосов, чтоб выступить от имени большой группы по каким-то вопросам. Важно, что от одного человека по одному вопросу можно получить одно делегирование – на каком бы количестве уровней два человека ни пересекались. Кроме сбора голосов лично под себя возможен сбор голосов под законопроект или идею. Набравший определенное количество голосов законопроект или рассматривается собранием указанного уровня (естественно, в вопросах муниципальных и региональных учитывается география поданных голосов), или автоматически принимается, если собрано достаточное количество прямых голосований. Каждый человек может собирать голоса граждан или их делегирования по каким-то экспертным вопросам – то есть быть таким вот человеком-партией. Скорее всего, это будет одной из самых главных форм активности.

Исполнительных чиновников назначают/утверждают собрания из списка выдвижений/самовыдвижений с учетом мнений экспертов. Если человек является экспертом по какому-то вопросу с большим количеством делегированных

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
голосов, то его кандидатура считается приоритетной.

Вопрос с судьями и полицейскими решается по тому же принципу, что и назначение чиновников исполнительной власти. Кандидат на юридическую должность должен будет сдать квалификационный аттестационный минимум и потом собрать достаточное количество голосов в поддержку своей кандидатуры.

Любой человек может отказаться от ведения любой политической деятельности и тем самым максимально оградить свою приватность. Рядовой избиратель не обязан никому представляться, достаточно того, что он идентифицирован сетью.

Глава 16. Как нам обустроить Электронную Россию?

Идеи о будущем, которые мы излагаем в этой книге, относятся к идеальному состоянию электронной демократии, которая пока еще нигде не существует. Однако в принципе можно себе представить, что некая небольшая страна начинает ее внедрять уже сейчас. Более того, некоторые страны стоят на пороге перехода к такой форме общественного устройства.

В качестве классического примера страны, стоящей на пороге окончательного перехода к облачной демократии, сейчас принято приводить Эстонию. При населении в 1,4 миллиона человек эта небольшая страна полностью смогла решить вопрос обеспечения всех своих граждан факторами аутентификации, удостоверяющими личность в электронных коммуникациях. Выглядит это так: у каждого гражданина есть электронная карта с ключами электронной же подписи, которая позволяет ему идентифицировать себя при взаимодействии с банком, пенсионным фондом, правительством и т. д. Также в Эстонии уже проводят электронные голосования. Немало продвинулась по этому пути и Бельгия.

Таким образом, скорее всего, какая-нибудь из европейских стран и станет пионером на пути внедрения облачной демократии. К сожалению, для России все это пока только теория. Понятно, что пока у нас невозможно быстро обеспечить всех граждан средствами аутентификации. Понятно, что невозможно решить проблему цифрового неравенства и отсутствия выхода в сеть для очень многих избирателей. Именно поэтому внедрение облачной демократии не выглядит в нашей стране задачей ближайшего десятилетия. Да и невозможно представить себе одномоментный переход от демократии обычной к демократии электронной, тем более в масштабах России.

Нам кажется, что расстраиваться из-за того, что прямо здесь и сейчас в России электронной демократии быть не может, не стоит. Разумнее будет поговорить о том, какие могут быть сделаны конкретные шаги на пути к ней. Потому что к тому моменту, когда наша страна подойдет к возможности внедрения таких технологий, передовые страны уже наработают колоссальный опыт – и положительный, и отрицательный. То есть в каком-то смысле мы получим уже опробованные на больших массивах технологии и схемы. Тем не менее одного пассивного опыта, извлекаемого из наблюдений за соседями, будет маловато.

Поскольку технической возможности для повсеместного внедрения электронной демократии в России прямо сейчас нет, а теоретическую и практическую подготовку к грядущей электронной демократии нельзя взять и сделать обязательной для всех граждан, то надо искать компромиссные варианты. Например, для начала можно подумать о том, чтобы сделать электронную демократию доступной для тех граждан, которым хотелось бы в ней участвовать. Этим мы достигаем решения нескольких задач.

Во-первых, решаем задачу обкатки механизмов электронной демократии в пилотном режиме, может быть, без взятия на себя слишком большой ответственности за последствия этих опытов.

Во-вторых, это помогло бы уже сейчас привлечь политически активных граждан, которые потом станут элитой нового общества, так как будут наиболее осведомлены и подготовлены к жизни в новых условиях. Не секрет, что нынешняя политическая система в нашей стране фактически не оставляет пространства для политического самовыражения. Трагические последствия такого положения дел мы ощутим со временем, когда демократия (не обязательно сразу электронная) станет возможной, а вот с кадрами и опытом будут проблемы.

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
В-третьих, виртуальная площадка может стать удобным плацдармом для формирования и обкатки команды единомышленников, с которой можно попытаться поучаствовать и в реальной политике.

Практически мы предлагаем политически активному классу России, лишенному ныне ряда политических возможностей, начать учиться, тренироваться и готовиться к будущему, которое неизбежно настанет. И делать это в режиме реального времени, в условиях максимально приближенной к действительности виртуальной реальности, где никто не сможет помешать нам строить такую страну и такую власть, какую мы хотели бы иметь.

Политические активные люди, для которых Интернет давно уже стал важнейшим средством коммуникации и самовыражения, вступают еще в одну социальную сеть – с функциями многопользовательской политической стратегии. При участии в этом проекте значительного количества людей он сам по себе довольно быстро становится политической силой и начинает взаимодействовать с внешним миром. Плюс решается задача моделирования тех процессов и проблем, которые неизбежно возникнут при последующем внедрении системы электронной демократии на территории уже всей страны.

Понятно, что выборка в несколько сотен тысяч человек была бы вполне репрезентативной, и эксплуатация системы на такой выборке позволила бы внятно оценить все последующие риски, проблемы и нагрузки при внедрении ее повсеместно. Закономерно возникает вопрос: а как же привлечь туда эти десятки, а то и сотни тысяч человек? Ведь пока мы можем предложить только имитационную модель, где не будут приниматься реальные решения, влияющие на судьбу страны.

Как нам кажется, эта проблема разрешима. В целом интерес к имитационным моделям демократии велик, просто они пока воспринимаются именно как еще один вид компьютерных игр, не более того. Мы уже ссылались на действующие многопользовательские стратегии, в которые сейчас во всем мире играют сотни тысяч человек, в том числе несколько десятков тысяч россиян.

Разберем типичную игровую реальность подобных стратегий.

В игре есть политическая жизнь с выборами три раза в месяц, также есть довольно примитивное моделирование экономики. Политическая жизнь там ускорена в 48 раз по сравнению с реальностью. Каждый месяц в каждой стране избирается конгресс, президент и проводятся партийные праймериз. Каждый месяц политический ландшафт меняется. Это интересно, поскольку постоянно есть динамика, политическая борьба и выборы. Главной площадкой для выдвижения и обсуждения идей служат «газеты» (в терминологии игры), а по сути – личные блоги заинтересованных людей. Для активного участия во всех игровых процессах участнику достаточно заходить в свой аккаунт на несколько минут в день и совершать все доступные на сегодня действия, узнавать новости и принимать решения.

Однако игра есть игра, и поэтому реальность в ней значительно упрощена и искажена. Игра полностью оторвана от реальной географической карты мира, а главное – от реальной политической истории стран. Людей объединяет только глобус, а дальше они селятся как хотят, переезжают из страны в страну, поскольку никакой привязки к реальному месту проживания в игре нет, равно как и нет событийной привязки. Именно поэтому границы виртуальных государств уже давно ушли от реальных прототипов, и сами государства во многом абстрактны.

Опять-таки одним из главных моторов таких игр служат военные действия, участие в них и связанный с войной апгрейд персонажа. Естественно, все это делает политику крайне милитаризованной, а игру – именно игрой, где побеждают и борются не идеи, а усидчивость, упрямство и агрессивность. Короче говоря, игра живет своей жизнью в полном отрыве от реальности. Да и создатели таких стратегий, скорее всего, сознательно не работали над тем, чтобы удержать эту жизнь параллельно реальной.

Мы предлагаем использовать рациональное зерно, заключенное в подобных стратегиях. Что если поработать над этим? Что если снабдить граждан недорогими средствами аутентификации, сделать их неанонимными и привязать их к конкретным местам проживания? Человеку, желающему поучаствовать в этом деле, будет предложено регистрироваться по месту своего фактического проживания: Екатеринбург, Москва – и там сталкиваться с реальными

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org проблемами. И что если на вход этой имитационной модели подавать события реального мира? Скажем, обсуждает сегодня Дума некий законопроект, и мы тоже рассматриваем этот же законопроект. Или, скажем, назревает в обществе какой-то важный вопрос, и мы в свою очередь тоже начинаем его обсуждать на разных уровнях власти: местном, региональном и федеральном. И в этих обсуждениях люди знакомятся, объединяются и учатся работать вместе и принимать ответственные решения.

В таком случае пути электронной модели России не будут расходиться с путями России реальной. Те несколько десятков или сотен тысяч человек, которые будут участвовать в этом проекте и работать над процессом принятия альтернативных решений на всех уровнях, станут реальными игроками и на политической сцене «живой» России. Конечно, если их действительно наберется достаточное количество.

В нынешней ситуации такая массовая игра в политику на безопасном расстоянии от того, во что превратилась политика в Российской Федерации, неизбежно привлечет к себе внимание общества. Многие СМИ, хотя бы даже ради курьеза, будут охотно публиковать информацию о том, что Госдума обсудила некий закон и приняла некое решение, а в это время в электронной России делегирование распределилось таким-то образом, такие-то люди стали стейкхолдерами при обсуждении такого-то проекта и в итоге пришли к своим решениям. Феномен альтернативной, электронной России, который де-факто уже оформляется в интернете, обретет понятную форму и возможность связно и четко артикулировать свои мнения и позиции. И не по методу «кто больше ботов заведет и выведет в топ свою запись в блоге», а нормальным, цивилизованным, демократическим способом.

Решения, которые будут приниматься в такой имитационной модели, нельзя будет игнорировать, поскольку это будут решения активной части общества. Мы знаем, что крупные изменения делаются 0.3-1% активных людей, притом что основная масса находится в пассивно-послушном состоянии. Массу в 100 тысяч человек, вовлеченных в электронную политику, просто проигнорировать не получится. Хотя даже если и игнорировать, все равно в результате их деятельности будет накапливаться серьезное число альтернативных законов, законопроектов, местных нормативных актов и просто принципиальных и стратегических решений о путях развития той или иной территории. Этот интеллектуальный капитал будет конкурировать с тем, что предлагается сейчас официальной властью, и сможет легко его заменить в любой момент. Будут обсуждаться и решаться и те вопросы, которые сейчас действующей властью игнорируются. При этом система сама выявит, какие из этих вопросов нуждаются в первоочередном обсуждении, будь то проблемы незаконной миграции, люстрации или, может быть, экологии.

Таким образом будет достигнута побочная цель: возникнет альтернативная легитимная инфраструктура нормативных актов и органов власти в сети. По сути, возникнут некие параллельные сетевые парламенты для каждого серьезного региона и города. Также появятся альтернативные политики, которые преуспеют в своей работе в определенных структурах. Плюс создадутся альтернативные политические движения, течения, которые смогут о себе заявить, – скажем, экологи или «пиратская партия», которая сейчас не имеет никакого шанса быть хотя бы созданной, тем более быть услышанной. Особенное значение такой проект может иметь для формирования альтернативной элиты в периферийных регионах и небольших городах, где давно уже нет никакой возможности что-то делать.

Все это представляется абсолютно реальным. Более того, параллельно будет решена задача, о которой мы говорили в самом начале, – будет проведена техническая обкатка всех механизмов. Станет понятно, с какими проблемами придется столкнуться, что сможет, а что не сможет работать в будущем. В конце концов, мы будем иметь внятный и четкий ответ на вопрос – «а кто вместо них?». Пусть это будет сначала казаться смешным, пусть сначала это будет просто прикол, но когда в каждом регионе, в каждом городе, а главное – в масштабах всей страны сформируется альтернативная власть – это будет тот фактор, который нельзя игнорировать. Так потешные полки Петра I стали фундаментом, на котором была построена русская гвардия.

В нашей стране живут активные, смелые, инициативные люди. И если в нынешней политической реальности у них нет никаких возможностей предлагать что-то новое и строить будущее без оглядки на замшелые схемы и унылые лица бюрократов, надо строить модель нашей страны в виртуальной реальности, чтоб

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
в подходящий момент наша общая мечта воплотилась в жизнь.

Да, мы предлагаем всем желающим поучаствовать в создании Утопии, конструировать наше будущее там, куда не дотянутся потные лапки коррупционеров и бюрократов, – в виртуальном мире. Нынешняя политическая элита России ленива, отстала, некреативна и коррумпирована. Поэтому мы уверены, что они не смогут, да и не захотят нам мешать – все войны в виртуальном мире власть проиграла и будет проигрывать и впредь.

Рано или поздно наши виртуальные победы станут реальными.

Рано или поздно Россия станет свободной и демократической страной, где все решения будут приниматься всеми гражданами и никто не сможет лишить людей их прав, их возможностей, их перспектив.

Весь мир идет этим путем, и мы не видим причин, почему Россия должна пятиться назад.

Екатеринбург

октябрь 2010 – май 2011 года

приложение 1. проект Da1Slovo.Ru

Одной из иллюстраций того, как с помощью современных технологий и новейших трендов в социальных сетях можно реализовывать гражданские политические проекты, соответствующие принципам облачной демократии, является проект Da1Slovo.Ru. Этот проект разработан и запущен в эксплуатацию под руководством одного из соавторов этой книги. Непосредственного отношения к предмету нашего рассмотрения этот проект не имеет, но перекликается с ним, поэтому мы сочли возможным присовокупить краткий рассказ о проекте Da1Slovo.Ru в качестве приложения.

Проект Da1Slovo.Ru – это сервис мониторинга обещаний публичных персон, построенный на принципах краудсорсинга, то есть сбора и верификации информации неограниченным кругом лиц, всем сообществом интернет-пользователей. Весь контент, который появляется в проекте, заносится туда самими пользователями. Этот подход принято называть web 2.0. Логической единицей, которой оперирует проект, является объективно проверяемое обещание – публичное высказывание политика, содержащее конкретные сроки исполнения. Например: «Произвести ремонт не менее 100 км дорог в Екатеринбурге к концу 2011 года» или «Выплатить к 9 мая всем ветеранам по 100 рублей к пенсии». В существующей реальности политики могут делать подобного рода высказывания совершенно безответственно и сколь угодно часто. Ведь они прекрасно знают, что никто не проконтролирует выполнение или невыполнение этих обещаний.

Теперь любой желающий может занести подобное обещание в проект Da1Slovo.Ru, сделав такое обещание объектом пристального внимания со стороны тысяч участников проекта. Конечно, обещание обязательно должно быть снабжено пруфлинком – действительной ссылкой на один, а лучше на несколько источников. После этого пользователь автоматически подписывается на информацию об обновлениях, связанных с этим обещанием. Подписаться на рассылку могут и все желающие, которых данное обещание заинтересует. Подписка дает возможность получать информацию о новостях. Понятно, что с обещаниями может что-то происходить. Допустим, если мы говорим о ремонте дорог, то в течение года могут появляться какие-то сообщения в СМИ об этапах исполнения. Они присовокупляются к исходному обещанию, и таким образом создается общая картина работы политика по выполнению обещания. Когда срок исполнения подходит к концу, всем подписчикам обещания приходит напоминание, и все заинтересованные люди начинают обработку источников, на которые можно сослаться, чтобы подтвердить факт выполнения или невыполнения данного обещания.

В ближайших планах по развитию проекта – тесная интеграция с новостными сайтами и лентами информационных агентств, чтобы обещания попадали на сайт Da1Slovo.Ru «одним кликом», подобно тому как сейчас можно автоматически разместить новость на своей странице в Facebook или Twitter.

Кроме того, проект позволяет делать и другие вещи, например, составлять рейтинги тех, кто больше всех замечен в неисполнении своих обещаний, то

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org есть врет избирателям. Однако главное в проекте – мягкое принуждение к большей честности и ответственности. Конечная же цель – трансформация политической реальности: сейчас политик заведомо знает, что он может говорить все что угодно, и никто это не проверит. Новая реальность, создаваемая проектом DaISlovo.Ru с помощью социального объединения интересующихся общественной жизнью людей и методов коллективной сетевой работы, – это реальность, где политик знает, что каждое данное им обещание «отливается в граните» и будет ему припомнено.

На сегодняшний день в проекте DaISlovo.Ru (он был запущен в марте 2011 года) ведется мониторинг уже более двух сотен обещаний, данных политиками разных уровней. В этом общественном мониторинге участвует несколько тысяч активистов – подписчиков или, если угодно, «общественных корреспондентов» проекта DaISlovo.Ru. Фактически этот проект реализует принципы принудительной честности и гибкой обратной связи, которым мы уделили много внимания на страницах нашей книги.

Приложение 2. Добровольческое движение

Интересным примером реализации сетевых электронных механизмов принятия решений является запущенный в Екатеринбурге весной 2011 года проект общественной организации «Добровольческое движение». С одной стороны, это юридически состоятельная и сложившаяся структура: организация зарегистрирована в Минюсте, она имеет свой устав и порядок членства. С другой стороны, это практический, прикладной эксперимент в области облачной демократии.

По уставу «Добровольческого движения» все решения принимаются путем электронного голосования, более того, введен избирательный ценз. Все участники движения делятся на членов и сторонников по критерию уплаты ими членских взносов. Сторонники никак не ограничены в доступе к информации, они получают все рассылки и могут участвовать во всех проектах, которые проводит организация. Однако выдвигать новые проекты и принимать участие в голосованиях относительно проектов, связанных с расходами аккумулированных за счет членских взносов средств, могут только члены движения. Таким образом реализуется некая «демократия налогоплательщиков». Входные барьеры в виде небольших членских взносов не только способствуют наполнению фонда, из которого движение финансирует свою деятельность, но и являются важным отсекающим. Это отсекающее позволяет защитить организацию от возможного захвата со стороны недоброжелателей, что зачастую происходит со многими политическими движениями, основанными на свободном членстве.

Что еще важно в «Добровольческом движении», так это то, что для электронных голосований предусматривается реализация полностью электронной площадки для обсуждения: члены движения общаются онлайн. Кроме того, впервые механизм принятия решений отличается от схемы «50% плюс 1 голос». Схема «50% плюс 1 голос», унаследованная из бизнес-практики акционерных обществ, нам не кажется действительно демократичной и пригодной для принятия решений в рамках политической деятельности. В самом деле, если решение принимается 50% и одним голосом, то это значит, что голосующие расслаиваются в отношении этого решения на две равные части, что свидетельствует о пожароопасной ситуации. Некоторые робкие попытки осознать и преодолеть эту проблему делались и продолжают делаться. Например, устав Евросоюза предусматривает принятие всех решений в Европарламенте усиленным большинством в 55% и более голосов. Референдум по поводу независимости Черногории в 2006 году также требовал 55% голосов, чтобы его результаты были признаны мировым сообществом.

В рамках «Добровольческого движения» эта идеология отточена еще сильнее: процент голосов, необходимый для принятия решений, ранжируется в зависимости от объемов средств, которые планируется выделить на тот или иной проект, то есть в зависимости от существенности проекта для движения. Допустим, если мы хотим потратить сразу половину всех аккумулированных средств, то необходимо практически единогласное решение: «за» должны проголосовать не менее 85% участников движения. Если мы планируем потратить около 30% всех средств фонда, то нужно согласие 3/4 участников и т.д.

В настоящий момент можно считать, что «Добровольческое движение» – это всего лишь пилотный проект: состоялась лишь пара голосований, собрана лишь пара десятков тысяч рублей, и осуществление серьезных проектов только впереди. Но тем не менее уже можно говорить о том, что модель электронной

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
демократии для принятия решений прошла первую обкатку на примере этой
маленькой гражданской организации.

Мы рассматриваем «Добровольческое движение» как хорошую модель, которую
можно легко запускать в любых регионах России. Мы считаем, что чем больше
подобных организаций будет создаваться и, главное, функционировать – тем
быстрее мы выведем наше общество на новую ступень развития.

Сноски

{1}

Этот пример хорош еще и тем, что показывает, что «представительство» – это
еще не обязательно «выборы». В суде присяжных представительство реализуется
посредством случайного отбора, но все равно это представительство.

{2}

Впрочем, как хорошо известно, в наши дни в прибалтийских государствах,
входящих в состав Евросоюза, значительное число жителей – «неграждан» –
лишено избирательных и прочих гражданских прав на весьма неоднозначных
основаниях.

{3}

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва,
т.е. 1993–1995 годов, избирался непосредственно гражданами и формировался
по принципу: два сенатора от каждого субъекта Федерации. Учитывая крайнюю
неравномерность в населении субъектов Федерации (от 50 тысяч до 10
миллионов человек – разница в 200 раз!), можно отметить, что в нашей стране
менее 20 лет тому назад принцип равного всеобщего избирательного права на
важнейших выборах федерального уровня грубо нарушался, и это тоже не
вызывало какого-либо общественного порицания.

{4}

Например, в США люди, осужденные за уголовные преступления, очень часто
лишаются пассивного избирательного права пожизненно – в подавляющем
большинстве штатов. Что же касается активного избирательного права, то
ситуация в разных штатах еще больше разнится. Есть те, где человек лишается
права избирать на определенный срок после отбытия наказания. Есть те, где
этот срок тоже является пожизненным. Во многих штатах в принципе бывший
уголовник снова может стать избирателем, но для этого должен, например,
подать заявление на имя губернатора штата, причем в некоторых штатах такие
прошения удовлетворяются автоматически, а в каких-то – рассматриваются в
индивидуальном порядке.

{5}

Разделение на исполнительную, законодательную и судебную ветви власти во
многом слишком примитивно. Например, в местном самоуправлении судебной
власти нет, зато есть представительная и исполнительно-распорядительная.
Распорядительная власть – это та, которая приводит решения в действие.
Сельский сход из нашего примера, однако, и в таковой не нуждается: сами
поработав законодателями и определив, скажем, правила разведения скота,
сельчане сами поработают и распорядительной властью и посадят на кол
негодяя, испортившего племенную корову. Короче говоря, все хитросплетения,
все виды власти им ни к чему и сдержки с противовесами тоже – так долго,
как долго они остаются в спасительной гавани прямой демократии, не формируя
каких-либо органов власти.

{6}

Само по себе разделение власти на три ветви не стоит ничего без налаженной
системы сдержек и противовесов, обеспечивающих независимость властей и
невозможность для одной ветви взять остальные под свой контроль. Этой

Облачная демократия. Ф. Г. Крашенинников, Л. М. Волков filosoff.org
системы не оказалось в Конституции РФ 1993 года, и результаты известны:
сегодня исполнительная власть (Президент РФ) формирует и судебную (назначая
судей Конституционного суда, председателей Верховного и Высшего
Арбитражного судов), и исполнительную (назначая губернаторов, которые
делегируют своих представителей в верхнюю палату парламента) ветви власти.

{7}

А с 2011 года – один раз в пять лет.

{8}

На всякий случай напомним, что речь идет о технологии «антикомпьютерного»
ввода текста, когда пользователя просят распознать буквы или цифры на не
очень четкой картинке, чтобы убедиться в том, что в систему пытается войти
действительно живой человек, а не бот, имитирующий действия человека.

{9}

Устоявшийся термин здесь – liquid democracy, т.е. «жидкая демократия», что
по-русски звучит достаточно неуклюже. Используемый нами термин «подвижная
демократия» передает, как нам кажется, суть понятия, избегая этой
неуклюжести.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!